Владимир Усольцев
ТАЙМЫРСКИЙ ЭРМИТАЖ

Владимир Усольцев

Таймырский Эрмитаж

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6255091
Таймырский Эрмитаж: Москва; 2013

Аннотация

У чёрта на куличках, много севернее самых дальних пастбищ Макара с его телятами лежит чудная земля Таймыр. А на северном краю Таймыра лежит небольшое по таймырским масштабам озерцо – не более двух тысяч гектаров – со странным названием “Озеро Сожаления”. Жарким летом 2010 года, а точнее, седьмого августа вдоль южного берега этого самого озера в западном направлении плыла туристическая надувная лодка с двумя туристами на борту. Если бы кто мог их тогда видеть, тот ни минуты бы не сомневался, что причин испытывать сожаление у них не было…

Содержание

Владимир Усольцев 4
Пролог 5
Глава 1. С чего всё началось 6
Глава 2. И честные люди могут зарабатывать большие деньги 9
Глава 3. Восемь умелых 13
Глава 4. Симпозиум 18
Глава 5. Чудаки 22
Глава 6. Замысел 25
Глава 7. Фишер и “Форекс” 31
Глава 8. Колян берёт след 35
Глава 9. Дудинка. Возврат к истокам 40
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Владимир Усольцев
Таймырский Эрмитаж

Эрмитаж[1]

[1] Эрмитаж – от французского hermitage – приют отшельника.

Пролог

– Ну что, Колюня, ещё чуть-чуть, и мы у цели. Можешь не торопиться. У дедушки день рождения послезавтра. Эх, оттянемся от души!

– Да я и не тороплюсь. Лодка сама чуть ли не летит. Ветер-то попутный… Павел Фёдорович, а вы вправду нам двойную северную ставку дадите?

– Ну так я ж сказал, двадцать процентов ваши.

– Так это, выходит, нам десять лимонов может перепасть?

– Выходит так. Радуйся, Колюня.

И Колюня – крепкий бугай лет сорока пяти – разулыбался, как подросток, которому пообещали подарить самый крутой "Харлей Дэвидсон".

– В Москве-то пекло сейчас. А здесь – красота…

– Это точно! Спасибо деду, что он именно здесь запрятался. Всю его капусту срубим и отдохнём заодно красиво. А главное – тут остерегаться некого.

– Да… В первый раз так подфартило. Курорт, а не работа…

– А что, Коля, не переименовать ли нам это "Озеро Сожаления" в "Озеро Радости"?

– Я не против.

– И я "за". Сейчас мы так на нашей карте и напишем, поставим дату и подпишемся…

Так и появилась собственноручная надпись и подпись Павла Фёдоровича Лопатина на карте, ставшей впоследствии одним из вещественных доказательств в громком уголовном деле. Да… Географические названия просто так не даются. Они имеют свои глубинные истоки, и одним росчерком пера озеро сожаления в озеро радости не превратить. И те жизнерадостные туристы в этом вскоре убедились…

Глава 1. С чего всё началось

Всё началось более сорока лет тому назад. Дежурный семинар отдела синтеза кристаллов по философии. Обсуждение гипотезы Большого взрыва[2]. Отчаянный спор, продолжившийся на квартире завлаба и закончившийся лишь в третьем часу ночи по причине полной неспособности спорщиков воспринимать бессвязную речь оппонентов и связно выражать собственные озарения. Победителем в споре стала двухкомпонентная жидкость без цвета, но с запахом – "Московская особая". Истина оказалась в ней – так решили невыспавшиеся спорщики, встретившись на другой день в лаборатории, и на этом бесспорном суждении спор о зарождении Вселенной завершился.

Неизвестно, задумывались ли впоследствии другие участники спора над началом всех начал. Но доподлинно известно, что младший научный сотрудник, недавно защитивший кандидатскую диссертацию, Олег Дудинский стал часто и подолгу размышлять об этом грандиозном событии. Вообще надо сказать, что Олег был увлекающейся натурой. Увлекающейся натурой был и его научный руководитель – тот самый заведующий лабораторией. Но увлекались они совершенно по-разному. Завлаб, известный в мире специалист и, разумеется, доктор химических наук с перспективой в ближайшее время стать членкорром, а там, глядишь, и полным академиком, был безмерно увлечён кинетикой[3] зарождения и роста кристаллов, фазовыми диаграммами и прочими физико-химическими премудростями. И только. Остальное его не интересовало. А вот его подопечный Олег увлекался теми же премудростями вовсе не безмерно и не исключительно.

Олег поступил на химфак Московского университета на волне подъёма химии, когда на всех углах висели лозунги "Коммунизм – это советская власть плюс электрификация всей страны, плюс химизация народного хозяйства". Газеты и радио рисовали радужные перспективы ближайшего будущего, в котором именно химия будет творить чудеса. Эта пропаганда в случае с Олегом своей цели достигла, и химия стала его первым серьёзным увлечением. Пока он учился в университете, поднялась волна популярности физиков, увлекшая и Олега. Он избрал себе специализацию "физическая химия" и оказался в конце концов в лаборатории синтеза полупроводниковых материалов академического института в Москве. Это был разгар полупроводниковой революции в электронике. Стоит ли говорить, что работа на острие науки и техники с головой увлекла Олега.

Он быстро защитил кандидатскую диссертацию и перед ним забрезжили перспективы выхода на докторскую. Но он к своему удивлению заметил, что работа стала его как-то тяготить. Всё стало обыденным и пресным. Душа искала нового увлечения, и оно не замедлило явиться. Новой его страстью стали… иностранные языки. Ещё в университете он без малейшего напряжения освоил английский язык на таком уровне, что и выпускники инъяза могли бы ему позавидовать. А теперь Олег решил взяться за немецкий. Для химика такой выбор вполне логичен – немцы всегда были сильны в химии, и завлаб поддержал Олега. Немецкий дался Олегу ещё легче, чем английский. За немецким последовал чешский. Этот несколько странный для учёного выбор объяснялся просто: лаборатория Олега начала сотрудничество с коллегами из Праги. Общение с ними проходило преимущественно на русском, иногда на английском. Олегу показалось, что это не совсем вежливо, и ему захотелось исправить такое

[2] Согласно современным представлениям, Вселенная возникла около четырнадцати миллиардов лет назад из чрезвычайно малого точечного объёма (сингулярности) в результате так называемого Большого взрыва. Следы Большого взрыва наблюдаются и сегодня. Они служат доказательством того, что это грандиозное событие действительно произошло в момент зарождения Вселенной.

[3] Кинетика – от греческого "кинетикос" (движущийся) – здесь протекание процессов во времени.

положение. Через полгода, выехав в первую командировку в Прагу, он поразил и порадовал своих чешских коллег, вполне сносно общаясь с ними на их родном языке.

Тот самый философский семинар случился вскоре после возвращения Олега из Праги, и Олег оставил мысль о штурме очередного языка – французского, а навалился со всем жаром на проблему мироздания. И это стало его увлечением на всю жизнь. Французский же так и остался невыученным.

Олег с энтузиазмом засел за теорию относительности и квантовую механику, без которых не разобраться в космологии[4]. Вскоре он понял, что без глубоких знаний в математике в этих дисциплинах не обойтись. Пришлось ему засесть за знаменитый курс высшей математики Смирнова, далеко выходящий за пределы университетского курса для химиков. В конце концов он осознал, что хоть он уже и мог бы читать лекции и по теории относительности, и по квантовой механике где-нибудь в пединституте, до уровня физика-теоретика, способного сказать своё слово в космологии, ему было недостижимо далеко.

Его увлечение сыграло с ним злую шутку. Он уже не мог с былой отдачей работать в лаборатории. Докторская перестала его привлекать, и он решил вообще уйти из науки. Ему подвернулось хорошее место в "почтовом ящике"[5] в Пензенской области, где почти не было науки, но было размеренное серийное производство и почти в два раза более высокая зарплата. И, главное, новая работа не мешала его увлечению космологией. Его мозгам не приходилось более раздваиваться. Рутина производства такого напряжения, как в научной лаборатории, не требовала. На новом месте Олег… Нет, на новом месте он был уже зрелым специалистом с непререкаемым профессиональным авторитетом, руководителем среднего звена и, разумеется, никто не позволял себе типичного для академической среды панибратства; на новом месте он стал Олегом Ивановичем.

Жизнь наладилась. Олег Иванович хорошо зарабатывал, в семье было всё в порядке, подрастала дочка-отличница. Хорошая трёхкомнатная квартира, дача и даже автомобиль "Нива". У Олега Ивановича появилось новое хобби, которое совсем не мешало ему размышлять над загадками мироздания, но здорово услаждало жизнь – рыбалка. А каких чудо-карасей – "сковородников" – привозил Олег Иванович с окрестных озёр и щедро делился ими с соседями! И вот однажды…

* * *

Дело было на рыбалке. Олег Иванович с коллегами выехал на Волгу с ночёвкой в надежде взять спозаранку на блесну пару-другую судаков. Прибыли на известное одному опытному спиннингисту место, поставили палатки, разожгли костёр. Выпили, закусили, и потекла беседа. Как ни странно, но собеседники Олега Ивановича стали расспрашивать его… о современной химии.

– А вот скажи-ка Олег Иванович, правда ли, что химики могут, так сказать, проектировать новые вещества? Всё заранее рассчитают, опишут, распишут, молекулу нарисуют, а потом – раз в тигель или в пробирку насыпят всяких реактивов, а там что-нибудь доселе невиданное и образуется. Причём с заранее заданными свойствами.

– Кое-что могут, но далеко не всегда.

– То есть, слаба ещё наука?

– Ну это как сказать. Фундаментальная наука в принципе со строением вещества разобралась. Основные закономерности уже изучены. Делаются, например, расчёты атомных

[4] Космология – раздел астрономии, изучающий свойства и эволюцию Вселенной в целом.

[5] "Почтовый ящик" – в советские времена так назывались в обыденной речи режимные предприятия оборонного комплекса.

спектров с большой точностью. А спектр водорода так вообще просчитан с точностью чуть ли не до десяти знаков. То есть, науку слабой называть было бы несправедливо.

– Так ты, выходит, мог бы нам самый лучший полупроводник спроектировать. Мы тебе задаём нужные свойства, а ты посчитаешь-посчитаешь и на тебе – получай, что заказывали.

– Ну с полупроводниками так просто не получится. Одними расчётами ничего не добьёшься. Без экспериментального поиска не обойтись.

– А что так? Это же вроде алхимия получается – сыпь, мешай, что-нибудь получится.

– Ну не совсем так. Вслепую сегодня уже никто не сыплет и не мешает. Но точно рассчитать синтез не удаётся – никакая ЭВМ[6] не справится.

– А когда вычислительная техника разовьётся, то рассчитаешь?

– Ну, если достаточно разовьётся…

– А я, Иваныч, вот почему этим делом интересуюсь. В главке[7], как ни совещание, так только и слышишь “с заранее заданным свойствами”… Ну а я так думаю, если об этом наверху, как попугаи, твердят, то ни хрена из этого не получится.

– Ну почему. Кое-что получится. Но далеко не всё и не всегда.

– Так я вот на последнем совещании сижу и со сном борюсь. И представляю себе: сидит бог за лабораторным столом и творит мир. Справа у него шкаф с реактивами, а слева – шкаф с технологическими картами. Все карты пронумерованы. И вот бог достаёт первую, читает её и точно по инструкции создаёт землю. Потом небо. Или наоборот, не знаю, как там в библии. Ну и так по порядку, пока всё не создал. Ну богу-то всё можно, на то он и бог. А вот чтобы мы начали чего-нибудь лепить с заранее заданными свойствами, сомневаюсь.

– Как ты сказал? Шкаф с технологическими картами?

– Ну да…

Олег Иванович почувствовал, что в мозгу его что-то щёлкнуло. Родилась ещё неосознанная догадка, какой-то яркий образ, описать который словами ему никак не удаётся.

Все угомонились, загасили костёр и разошлись по палаткам. Лишь Олег Иванович, возбуждённый промелькнувшей мыслью, остался у кострища. Стояла ясная прохладная безлунная ночь. Мириады звёзд ярко сияли в чёрной бездне и отражались в слегка трепещущей глади воды. Технологические карты сотворения мира не давали ему покоя. Он так и не смог высказать словами свою догадку. Но она оставила глубокую засечку в его сознании. “Теперь я знаю, о чём мне надо поразмышлять”, – подумал он и полез в свою палатку.

Рыбалка оказалась для Олега Ивановича не вполне успешной – он вытянул лишь одного судачка килограмма на полтора. Но выездом на Волгу он остался более чем доволен. Он чувствовал, что здесь он вышел на тропинку, ведущую его в правильном направлении.

[6] ЭВМ – электронная вычислительная машина, устаревшее обозначение компьютера.

[7] Главк – так называли в просторечии основные структурные подразделения министерств – Главные управления.

Глава 2. И честные люди могут зарабатывать большие деньги

Перестройка рванула вперёд с ускорением, и “почтовый ящик”, где работал Олег Иванович, незамедлительно приказал долго жить. Проблему мироздания пришлось отложить в сторону и заняться проблемой выживания. К самому популярному в те годы челночному бизнесу не лежала душа, но всё шло к тому, что ему, несмотря на возраст – не за горами уже маячил пятидесятилетний юбилей, придётся мотаться через границы. Но нежданно-негаданно ему позвонил однокашник по университету из Риги.

– Олег, это я, Янис, не забыл?

– Янис? Мацнерс?

– Он самый.

– Вот это да! Какими судьбами?

– Да вот, вспомнил тебя добрым словом и решил узнать, как поживаешь.

– Как поживаю? Тебе всё рассказывать, или хватит двух слов: пока наживу.

– То есть ваучеров не накопил, заводов не купил?

– Да куда там… А сам-то ты как?

– Да примерно так же.

– Ну зато вы теперь независимые.

– Да толку-то… Сплошная безработица… Но я тебе по другому поводу звоню.

– Валяй.

– Я тут в Москве был недавно в твоём институте и узнал, что ты полиглотом стал.

– Да какой там полиглот. Три языка – это всего лишь триглот. Ты же тоже, как минимум, триглот.

– Нет, я всего лишь полутораглот – русский и английский со словарём.

– Ну так что тебе мои языки?

– Хочу предложить хорошую работу в Германии.

– Звучит заманчиво. А ты какое к этому имеешь отношение?

– Понимаешь, мы тут торгуем медью со Швецией. И обдирают нас шведы, как липок. Хотелось бы в Германии контакты наладить.

– Кто это мы?

– Гену Широкова из Свердловска помнишь?

– Ну кто же его забудет? Сейчас, наверное, “Уралмашем” рулит.

– Ну не совсем так, но кое-чем рулит. Вот мы с ним медь и продаём. Он на Урале её достаёт, а я тут со шведами связь держу…

Разговор был вскоре продолжен в Москве, где собрались бывшие однокашники – долларовые миллионеры Янис и Гена и малоимущий Олег Иванович. По окончании разговора Олег Иванович стал их партнёром с правом получения двенадцати процентов прибыли от продажи меди на немецком рынке.

Вскоре, получив туристическую визу в Германию и три тысячи долларов подъёмных, Олег Иванович оказался в Рурской области, где, по его представлениям, более всего нуждались в уральской меди. Заранее продумав свои действия, Олег Иванович первым делом разыскал торгово-промышленную палату земли Северный Рейн-Вестфалия. К его приятному удивлению он был очень приветливо встречен вначале секретаршей у входа, а несколькими минутами позже и компетентным клерком, пригласившим его в просторную переговорную комнату. Беглый немецкий язык Олега Ивановича, богатая старомодная лексика, свидетельствовавшая, что он немало прочитал немецкой классики, и умилительный акцент

привели немецкого собеседника в восторг. Узнав, что Олег Иванович ищет солидных покупателей на крупные партии меди, клерк тут же распорядился распечатать соответствующие страницы из толстенного справочника “Кто что поставляет?”.

– Вот вам список фирм, имеющих отношение к меди. Но я вам рекомендую обратиться прежде всего вот к этим трём, – клерк размашисто обвёл фломастером три абзаца из списка.

– Огромное вам спасибо! Я могу от вас прямо сейчас позвонить им?

– Конечно, разумеется. Хотя стойте. Давайте я сам позвоню одному моему приятелю.

Клерк набрал номер и с воодушевлением заговорил. Через полчаса Олег Иванович на такси подкатил к офису фирмы “Крюгер ГмбХ”, входные двери которой были отделаны массивной медью. Ещё через два часа с факса фирмы в Ригу ушло предложение о сотрудничестве на английском языке с краткой припиской Олега Ивановича “Сможет ли Гена отгружать столько катодной меди[8]?”.

Первый же опыт Олега Ивановича в качестве продавца меди был более чем успешный. Предложенная ему фирмой “Крюгер” ценовая формула была сказочно выгодной и недостижимой для многочисленных торговцев медью из СНГ, рыскавших по Европе в первые послеперестроечные годы. Две другие фирмы, помеченные клерком торговой палаты, оказались поскупее, и вся медь от Гены и Яниса шла в адрес “Крюгера”. Занятия немецким языком вознаградились сторицей. Через год и Олег Иванович был миллионером, правда в марках ФРГ.

* * *

Олег Иванович подружился с владельцем фирмы господином Крюгером. Бывая в Германии, он нередко заглядывал к нему в гости, даже если в этом не было никакой деловой необходимости. В такие дни, вечерами, сидя на веранде большого дома Крюгера перед ухоженным садом, они потягивали пиво и рассуждали обо всём на свете. Как-то Крюгер заметил:

– Очень трудно заработать первый миллион, Олег. Второй и следующие придут сами собой.

– Честно признаюсь, у меня уже есть миллион, и достался он мне без особых трудов.

– Это потому что ты из России. Это страна фантастических возможностей. Помяни моё слово, будешь ты вскорости миллиардером.

Господин Крюгер переоценил возможности России. А может быть, возможности Олега Ивановича. Миллиардером он не стал ни вскорости, ни через пятнадцать лет. Тем не менее, Олег Иванович постепенно стал обладателем достаточного капитала, чтобы считаться в Германии представителем среднего сословия. Торговал он не только медью, но и сталью, казеином, какао и кофе. Услугами его торговой фирмы охотно пользовались производители и потребители по простой причине – Олег Иванович не заламывал торговую наценку, считая, что зарабатывать надо не высокой ценой, а большими объёмами товара.

Не пропал втуне и чешский язык Олега Ивановича. Он регулярно просматривал чешский интернет и однажды увидел объявление о продаже небольшого пивзавода в чешской глубинке. Не долго думая, Олег Иванович посетил городок Краликовец, пообщался с главным пивоваром, осмотрел завод и решился на покупку. Главный пивовар убедил его, что если удастся обновить оборудование, то пивзавод, благодаря популярности своей старинной торговой марки “Краликовецке”, неизбежно станет прибыльным. Вложив полтора миллиона долларов, Олег Иванович уже через два года в налоговой декларации показал первую прибыль. С тех пор пивзавод работал, как часы, и прибыли его неуклонно росли.

[8] Катодная медь – чистая медь, полученная в результате электролиза.

Хоть и разбогател Олег Иванович, он не торопился со строительством особняка. Он и сам не мог объяснить, что отталкивало его от напрашивающейся мысли о строительстве роскошной виллы, какие росли, как грибы после дождя, по всей России. Наверное, не хотелось ему участвовать в конкурсе тщеславия. Да и выставлять своё материальное благополучие напоказ он считал глупым и к тому же небезопасным. Просторная трёхкомнатная квартира его вполне устраивала. Пользовался он скромным при его доходах автомобилем "Фольксваген-Пассат", и его соседи по дому не могли даже предположить, что их сосед миллионер.

Новое тысячелетие, приход которого шумно отмечался по всей планете, принесло Олегу Ивановичу страшное горе. Первого января двухтысячного года жена с дочкой-студенткой выехали на дачу за заготовленными грибами. Олег Иванович накануне простудился, и составить им компанию не мог. Звонок в дверь его удивил – у жены были свои ключи, и она не стала бы его больного выдёргивать из постели, открыла бы дверь сама. Олег Иванович удивился ещё сильнее, увидев в двери милиционера. Сердце его неприятно кольнуло. Предчувствие не обмануло. Милиционер принёс известие, что его родные погибли в автокатастрофе. Какой-то пьяный идиот на "Камазе" на большой скорости выскочил на встречную полосу и смял их "Пассат" в лепёшку.

Олег Иванович трагедию не перенёс. Нет, он не пытался наложить на себя руки, не умер от горя, не запил и даже не перестал тщательно следить за собой. Но он изменился. Былого Олега Ивановича, жизнерадостного, целеустремлённого, пытливого, общительного уже не было. От него остался отрешённый от жизни призрак. Вся жизнь его стала призрачной. Кто-то, внешне очень похожий на него, автоматически подписывал бумаги, давал распоряжения, вёл переговоры, в результате чего капитал Олега Ивановича не только не уменьшился, а даже немного подрос. В каком-то полуобморочном состоянии он за полцены продал свою квартиру в Кузнецке, сохранив прописку, а сам стал мотаться между Москвой, Прагой и Дюссельдорфом, часто не отдавая себе отчёт, куда и зачем он летит. Его домом стали гостиничные номера и салоны самолётов.

Года через три после трагедии он начал постепенно приходить в себя. И помогла ему в этом обретённая по случаю объёмная монография по астрономии на немецком языке. Проглотив её сходу, он снова и снова возвращался к отдельным её главам, прежде всего к космологии. Проблема мироздания частично вернула былого Олега Ивановича к жизни. И тогда у него впервые появились мысли об уединении где-нибудь у чёрта на куличках, где он мог бы без помех сосредоточиться на тайне всех тайн – откуда и зачем возник наш мир?

* * *

Летом 2006-го года Олег Иванович посетил стенд собственного пивзавода на ярмарке пивоваров в Чешских Будейовицах. Там с ним заговорил на русском языке один восторженный ценитель его торговой марки. Им оказался земляк из России, давно уже живущий в Чехии и зарабатывавший на жизнь редким промыслом – консультациями для трейдеров на мировом валютном рынке "Форекс"[9]. Земляку каким-то образом удалось увлечь Олега Ивановича рассказом о неограниченных возможностях на "Форексе", хотя Олег Иванович интуитивно скептически относился ко всем биржевым спекуляциям, разновидностью которых и есть тот самый "Форекс". Он получал массу предложений вложить свободные средства в самые разные акции и всегда выбрасывал их в мусорную корзину, не вчитываясь. Но в этот раз его, очевидно, "Краликовецке" попутало. Он с интересом выслушал земляка и договорился с ним о встрече в Праге для более обстоятельного разговора. Через неделю Олег Ива-

[9] "Форекс" – от английского foreign currency exchange – международная система биржевых торгов валютами.

нович вознаградил старания земляка тысячей долларов – тот в течение дня посвящал его в тонкости трейдерства – и отложил эту тему в памяти.

Исключительная динамичность валютного рынка, где сделки заключаются ежесекундно, увлекла Олега Ивановича, и он с помощью интернета постарался вжиться в атмосферу “Форекса”. Он открыл демонстрационный счёт у одного из брокеров и довольно успешно поторговал условными деньгами, удвоив первоначальный условный капитал в течение месяца. Подивившись такому везению, он после долгих размышлений и наведений справок избрал себе другую брокерскую контору для игры настоящими деньгами. Новая контора устраивала его не только тем, что была одной из крупнейших в мире и пользовалась высокой репутацией, но и тем, что один из её офисов находился в Дюссельдорфе, где Олег Иванович чувствовал себя, как дома.

Начав реальную игру, Олег Иванович тут же убедился, что демонстрационная программа, на которой он тренировался, была подправлена так, чтобы начинающий трейдер легко успевал реагировать на изменения рынка. В реальности же хаотические скачки курсов следовали один за другим столь быстро, что разобраться, происходит ли сейчас рост или падение, было совсем не просто. Прибыльность в сто процентов за месяц в реальной игре могла быть лишь редкой случайностью. Увидев, как движется капризный валютный рынок, Олег Иванович избрал спокойную линию поведения и открывал позиции только тогда, когда тренды роста или падения казались очевидными. Он прекрасно понимал, что то, что кажется очевидным, на самом деле могло быть иллюзией. Тем не менее, он чаще угадывал, чем ошибался. Возможно, дело было в том, что он не испытывал азарта от игры. Выигрыши его почти не волновали, и Фортуна, наверное, вознаграждала его за это.

Глава 3. Восемь умелых

По окончании изрядно опостылевшего новогоднего безделья в местных газетах северных и крупных сибирских городов появилось броское многократно повторённое объявление о приёме на работу:

Для работы по контракту в экспедиции на Крайнем Севере в условиях полярной ночи требуются рабочие высшей квалификации по специальностям:

– плотники;

– электрики;

– слесари-сантехники;

– водители с опытом вождения балластного тягача МЗКТ– 74132;

– повар.

Далее требуются специалисты с высшим образованием:

– радиоинженер, специализирующийся на спутниковой связи;

– врач.

Требования к кандидатам:

– опыт военной службы;

– хорошая физическая кондиция.

Оплата аккордная – 2 000 000 рублей на человека по завершении экспедиции. Перед началом экспедиции выплачивается аванс 200 тысяч рублей. Предполагаемый срок нахождения в экспедиции – 4 месяца.

Обращаться по электронной почте…

На объявление отреагировали тысячи желающих заработать кругленькую сумму. Подавляющее большинство из них получили немногословные отказы. Восемьдесят человек получили ответы, дававшие им надежду на участие в экспедиции – им были предложены телефонные интервью. Организатор экспедиции некий Олег Иванович обзвонил всех избранных и с каждым из них обстоятельно побеседовал по телефону, после чего шестнадцать претендентов получили приглашение прибыть за счёт экспедиции на собеседования в Москву. Собеседования проходили с глазу на глаз в вестибюле гостиницы. Олег Иванович едва выдержал этот тяжелейший марафон, занявший почти три полных рабочих дня, но результатом он остался доволен. Все шестнадцать были вполне подходящи для экспедиции. Выявился среди них и явный лидер – электрик Сергей Кравцов из Ханты-Мансийска.

Тридцативосьмилетний Сергей оказался победителем негласного состязания кандидатов не случайно. Числясь рабочим, электриком восьмого разряда, он имел диплом инженера-энергетика Красноярского политехнического университета, который окончил в 2000-ом году. В молодые годы он серьёзно увлекался спортом и получил мастерские звания в лыжных гонках и в скалолазании. Отслужил срочную в армии, побывал в Чечне и остался там ещё на год контрактником. Служил в разведроте, где особенно пригодились его навыки скалолаза.

– Скажите, Сергей, а почему вы стали контрактником?

– Да так уж сложилось. Мне командир роты предложил остаться, а мы с ним здорово сработались. Ему-то в Чечне ещё долго надо было воевать, а уйдём мы, старички, с кем он останется? Хотелось ему помочь. Да и на “чехов” у нас злость была – куда с добром. Вот мы и решили поддержать нашего комроты.

– Кто это мы?

– Да у нас полвзвода в контрактники записались.

– А это не вы остальных, случайно, сагитировали?

– Ну да, не без этого.

Выйдя в запас, Сергей быстро женился на однокласснице, успевшей закончить политех, и сам поступил туда же. “Чтобы жена не очень задавалась”, – так объяснял он своё решение. Получив диплом, нашёл себе работу вахтовым энергетиком, ответственным за электрооборудование буровых на Ямале. Неплохо зарабатывал, купил квартиру в Ханты-Мансийске и перебрался с семьёй туда – поближе к работе. Поначалу, когда приходилось устанавливать и запускать новое оборудование, работалось ему в охотку. Но в последнее время работа его свелась к рутине, и он чувствовал себя всего лишь сторожем при трансформаторах, генераторах и рубильниках – всё работало бесперебойно, и ничего не надо было ремонтировать или переоснащать. Увидев объявление Олега Ивановича, Сергей встрепенулся, переговорил с женой и после её бурного сопротивления получил-таки “добро” на попытку уйти в экспедицию. И начальство не было против намерения Сергея оставить свою работу на полгодика. Пока и без него можно обойтись, а вот начнётся освоение нового месторождения, Сергей как раз из экспедиции и вернётся.

Олег Иванович одному ему ведомыми путями получил отзывы о Сергее с работы, из университета и даже из личного дела в военкомате. Только из него он и узнал, что Сергей имеет боевую медаль “За отвагу”. Примечательной была ёмкая характеристика, данная ему командиром роты перед увольнением в запас: “Будучи заместителем командира взвода, проявил себя ответственным, дисциплинированным военнослужащим, душой болеющим за бойцов, среди которых завоевал непререкаемый авторитет. Участвовал в боестолкновениях, где проявил себя геройски, за что представлен к правительственной награде. Имеет лидерские задатки и достоин аттестации на офицерское звание”. В университете Сергей был старостой группы, и в деканате были им очень довольны – проблем с его группой не было. Был он “бугром” и на подработках на товарной станции и в порту и этими заработками практически полностью финансировал своё обучение. И на буровых Сергей всегда был душой вахты. Многие стремились попасть с ним в одну смену – с ним и работалось легко, и отдыхалось весело.

Месяц спустя Сергей получил извещение об успешном прохождении конкурса и два экземпляра контракта на подпись. Уже взятый на довольствие Олегом Ивановичем, Сергей вновь объявился в той же московской гостинице. За обедом в ресторане Олег Иванович разъяснил Сергею диспозицию.

– Итак, Сергей, мы начинаем большое дело. Ты уже в общих чертах его себе представляешь. Нам нужно набрать ещё семерых из пятнадцати отобранных мной кандидатов. Они завтра подъедут снова сюда. Я наметил тебя старшим группы и хочу, чтобы ты сам выбрал себе подходящих, с кем бы ты пошёл в разведку.

– И повара тоже?

– И повара. Нам важно набрать хорошую команду, чтобы была в ней хорошая совместимость, как у космонавтов. Все пятнадцать оставшихся кандидатов – отличные знатоки своего дела. Но характерами они разные, и тебе надо самому определиться, кто в твою команду лучше сгодится.

– Так, ясно. Правда, не совсем. Как же из одного разговора понять, кто чего стоит?

– А ты постарайся человека разговорить. Пусть расскажет о себе поподробнее, а ты сосредоточься не столько на том, что он говорит, сколько на том, как он говорит. Будет он тебе интересен, или начнёт вызывать раздражение? Ты это быстро почувствуешь. Твоя психика сама тебе подскажет, кто годится в твою команду, а кто нет.

– Ну что же, попробуем.

Назавтра Сергей после общего сбора группы и вступительного слова Олега Ивановича начал исполнять свои командирские функции. Он расставил всех кандидатов в очередь по алфавиту и назначил каждому время собеседования, распланировав всю работу на два дня. За ужином следующего дня он представил свой отчёт.

– Ну вот, Олег Иванович, такой у меня расклад получается. Два плотника. Я бы взял Сашу Коловратова из Архангельска и Андрея Симонова из Воркуты. Сантехник – однозначно Николай Ястребов из Красноярска. Вот с водителями трудно было определиться. Но я бы взял тёзку Сергея Дергуна из Салехарда. Поваром пусть будет Володя Савченко из Петрозаводска. Радист – тоже однозначно Юра Голубев из Новосибирска. Ну и врач – я бы обоих взял, придётся, наверное, жребий бросать.

– Ладно, бросим. Кто по алфавиту первым идёт, того и возьмём.

– Ну тогда Лёва Берман из Омска.

– А ты знаешь, Серёжа, что ты отобрал именно тех, кого я себе уже давненько наметил. Значит мы с тобой сработаемся, Серёжа. Что, не так разве? Вот смотри списочек, я его неделю назад написал.

Олег Иванович достал из нагрудного кармана свёрнутый листок и подал его Сергею.

– Ух ты! Как же вы могли догадаться, кто мне покажется подходящим? Все ведь ребята хоть куда.

– Ну, поживи с моё…

* * *

Олег Иванович собрал восьмёрку избранных в просторном конференц-зале гостиницы. “Дорогие друзья! Благодарю вас всех за готовность принять участие в деле, которое очень важно для меня. Я понимаю, что вами движет не только желание заработать в экспедиции, но и здоровый авантюризм, романтика, желание испытать себя, желание увидеть то, что дано увидеть очень немногим. Заработать можно и в других местах, причём с комфортом и без риска. Но ведь не только в заработке дело. Не так ли?”. Собравшиеся согласно закивали головами. “Мы будем в течение нескольких месяцев, как альпинисты, в одной связке, где каждый должен быть абсолютно уверен в надёжности своих товарищей. Нам предстоит работать в арктическом холоде. Большую часть времени нам будет мешать пурга. Вы все знакомы и с метелями, и с морозами. Но то, что предстоит испытать нам, будет, как теперь говорят, покруче. В этих условиях успех может быть обеспечен только, если мы в течение всего срока будем одной дружной командой. История знает немало примеров, когда полярные экспедиции гибли из-за непримиримых раздраев в командах. Когда в команде собираются сплошные герои-одиночки и гении, добра не жди. Противостоять стихиям могут только дружные коллективы, где все за одного и один за всех. И я надеюсь, что мы с вашим командиром Сергеем не ошиблись ни в ком из вас…

Вы все взрослые люди, у всех есть свои дети, и вас учить вроде бы неуместно. Но я позволю себе напомнить вам и себе три правила, которые мы должны неукоснительно соблюдать, чтобы не переругаться вдрызг. Правило первое: если тебя раздражают действия товарища, не спеши показать своё неудовольствие. Правило второе: не обижай других и не обижайся сам. Правило третье: относись ко всему негативному с юмором.

Вы ещё не знаете друг друга, и было бы полезно перед тем, как мы отправимся в тундру – а всё наше предприятие можно с некоторой натяжкой сравнивать с экспедицией на Марс – поближе познакомиться друг с другом. Для этого я забронировал восемь мест на последний рейс теплохода “Александр Матросов” из Красноярска в Дудинку. Вы проведёте вместе более трёх суток. Вот там и познакомитесь.

Вы все прекрасные специалисты в своих профессиях, и ваши знания и умения будут востребованы. Но мы будем находиться в особых условиях, и от всех будут требоваться не только ваши профессиональные, но и элементарные житейские навыки. Всем придётся у кого-нибудь быть на подхвате. Круглое катать, плоское таскать, как говорят плотники. И врачу, и повару, и радисту придётся осваивать универсальную профессию подсобника. И не только им. Это касается всех.

Далее. Поговорим о технической стороне обеспечения безопасности экспедиции. Двигаться к цели и возвращаться назад будем на специально оборудованном автопоезде, пригодном для эксплуатации в самых суровых полярных условиях. Тягач и два прицепа к нему сейчас собираются на Минском заводе колёсных тягачей. В дорогу берём более чем двукратный запас топлива. Один из прицепов – жилой вагончик со всем необходимым для почти комфортного проживания. Отопление и кухонная печь – газовые. Запас газа берём с пятикратным избытком. С нами будет автономный электрогенератор на 10 киловатт с бензиновым двигателем. Все рабочие инструменты могут быть запитаны током в течение двадцати минут после прибытия на место.

Особая статья – экипировка. По вашим меркам будут пошиты специальные костюмы. Заказ уже размещён и профинансирован. Изготовитель – та же фирма, которая экипирует полярников Института Арктики и Антарктики. Но наши костюмы будут понадёжнее. Обувь будет традиционная – настоящие унты. Лучшего для Арктики ещё не придумали. Думаю, никто не замёрзнет. Ну, а замёрзнет и простудится… С нами будет врач с опытом работы в сельской районной больнице. Это значит – на все руки мастер, специалист по всем болезням.

Ну и последнее. Минут через пятнадцать подойдёт работник страховой фирмы и оформит ваши страховки. Я беру на себя все расходы по страхованию. Затевать такое предприятие в Арктике без страховки, сами понимаете, нельзя. А сейчас, пока его нет, задавайте вопросы”.

После некоторой паузы поднял руку повар Володя.

– Техника – это хорошо, но не всегда надёжно. Что будем делать, если полетит, например, двигатель у тягача?

– Будем пытаться чинить своими силами. Но скорее всего в этом случае придётся связываться с Большой землёй и заказывать вертолёт для эвакуации команды.

– А связь будет?

– Обязательно. С собой у нас будет четыре коротковолновых рации.

– А волков там или белых медведей не встретим? – поинтересовался врач Лёва.

– Только теоретически может какой шальной белый медведь в гости нагрянуть. Практически же это исключено. Так же и с волками. Но бережёного бог бережёт. У нас будет карабин “Тигр-9”.

– А рыбалка там будет? – под общий смех спросил плотник Андрей.

– Вот построим станцию, можно будет и порыбачить.

– А не замёрзнем на льду-то сидеть?

– Не должны. Проектом предусмотрен специальный домик для подлёдной рыбалки. С печкой. С подсветкой.

– Значит, будем возвращаться с рыбкой?

– Кто хочет, на здоровье.

– Хорошо. Мы построим станцию, а потом вернёмся назад. А станция что, будет в автоматическом режиме работать? – поинтересовался плотник Саша.

– Нет. На станции останется исследователь. Я останусь.

Сообщение Олега Ивановича поразило присутствующих. Видя общее замешательство, он не стал дожидаться новых вопросов.

– Понимаете, друзья мои, эта станция – моё детище. Она необходима не только науке. Она необходима прежде всего мне. Признаюсь вам, что я вынашиваю серьёзную философскую монографию, и для её написания мне нужно отвлечься от всего. Ничто не должно мне мешать. Мне нужно уединение и особенная атмосфера отрезанности от всего мира. Осознав это, я и задумал этот проект. Вам, молодым, в рассвете сил, конечно же, трудно меня понять. Я и сам в вашем возрасте на такое затворничество ни за какие коврижки бы не согласился. Но время многое меняет…

– А как же ваши близкие? – вклинился сантехник Коля.

– Увы, я одинок, как перст. Я ведь, ребята, сирота, вырос в детдоме. А десять лет назад погибла моя семья – жена и дочь. Так что, моё отшельничество никому не будет в тягость.

– А как же вы будете там жить? Там же не будет условий для нормальной жизни, – подал голос врач Лёва.

– А вот построим станцию, и вы убедитесь, что жить там можно будет ничуть не хуже, чем на Большой земле. По крайней мере, мои потребности будут там удовлетворены полностью.

В это время подошёл страховой агент и деловито приступил к исполнению своих обязанностей. Через полчаса он ушёл, и Олег Иванович завершил встречу со своей командой коротким напутствием: “Друзья мои, не волнуйтесь за меня. Я ещё достаточно крепок, и побыть годик-другой в тундре не будет мне в тягость. Вам же пора отправляться по домам. Я буду держать с вами связь напрямую или через вашего командира Сергея. Встретимся вновь уже в октябре в Дудинке, а пока лето – копите силы, набирайте форму. Да, вот ещё. Через недельку проверьте ваши счета. Аванс будет переведён завтра”.

Глава 4. Симпозиум

Приветливые дамы из оргкомитета симпозиума по охране дикой природы, занятые регистрацией прибывающих участников, были нимало удивлены, когда к их столу подошёл сам председатель оргкомитета. Ну, в этом-то ничего удивительного нет. Удивительным было то, что он подвёл к регистрационному столу импозантного господина, проявляя к нему подчёркнутое почтение, и самолично сделал запись в конце списка участников симпозиума, поставив размашистую галочку, означающую, что участник симпозиума на месте. Удивителен был и облагодетельствованный опекой самого председателя господин. Грузный, пожилой – скорее под семьдесят, чем за шестьдесят, он бросался в глаза не только безукоризненно сидящим строгим серым шерстяным костюмом, но и ухоженной, редкостной для его возраста, шевелюрой – густой, кучерявой и совершенно седой. И седина его была необычной – она словно светилась чистейшей белизной. Господин явно выделялся из всей собравшейся компании учёных – ихтиологов, охотоведов, почвоведов, экологов и прочих биологов – и чиновников от природоохраны. Судя по строгому костюму, он, скорее всего, принадлежал к чиновничьему сословию и мог бы быть каким-нибудь начальником департамента или управления. Да даже и губернатором он мог бы быть – выглядел он достаточно солидно. А вот глаза его за тонкими стёклами очков в элегантной лёгкой оправе говорили, что он явно не чиновничьего племени. Их пытливый взгляд излучал независимость, достоинство и лёгкую иронию, что было характерно и для наиболее авторитетных учёных, прибывших на симпозиум, особенно для иностранцев.

На левом лацкане пиджака удивительного господина был закреплён едва заметный миниатюрный значок в виде трёх сцепленных звеньев цепи, слегка изогнутой в дугу. Такой же значок дамы за регистрационным столом заметили и у одного из иностранных участников – кажется, из Германии – и единодушно решили, что импозантный господин – иностранный учёный. Тем сильнее было их изумление, когда они услышали слова председателя оргкомитета, обращённые к седовласому иностранцу: “Ну вот, Олег Иванович, все формальности позади. Вы тут дерзайте, а мне позвольте предаться исполнению моего долга”.

Председатель заторопился в зал заседаний, а “иностранцу”, оказавшемуся Олегом Ивановичем, пришлось ответить на вопросы одной из дам, не удовлетворившейся записью, впопыхах сделанной в списке председателем оргкомитета.

– Олег Иванович, извините, Вы какую страну представляете?

– Пензенскую область.

– Ага, значит, Россия.

– Она самая.

– А что это за организация – “че эл”?

Олег Иванович увидел, что в столбце списка участников “Организация” председатель оставил пометку “ЧЛ”.

– Предполагаю, что это означает “частное лицо”, каковым я в действительности и являюсь.

– Вот оно что… Нам нужен ещё ваш адрес и как с вами связаться.

– Пожалуйста, вот вам моя визитка.

И визитка Олега Ивановича была необычной – на ней не было ни малейших намёков на какую-нибудь организацию или фирму. Олег Иванович был воистину частным лицом.

Всевидящие дамы из оргкомитета, да и не только они – все обратили внимание, что Олег Иванович в перерывах между заседаниями активно общался с иностранными участниками симпозиума на беглом английском языке. Особенно это никого не удивило. Хороший английский не редкость в наше время, тем более на симпозиумах. Но когда они заметили,

что Олег Иванович оживлённо беседует с немецким профессором на немецком, да так, что можно было подумать, что он сам немец, удивление было неподдельным. Ну а когда Олег Иванович на банкете вечером первого дня работы симпозиума был замечен вовлечённым в беседу с чешским антарктическим полярником на чешском языке, удивление сменилось подлинным изумлением.

Оргкомитету удалось компактно разместить всех иногородних и иностранных участников симпозиума в одной гостинице, и вечером второго дня работы ресторан гостиницы был заполнен ими, словно там проходило очередное пленарное заседание. Отсутствовали только Олег Иванович, чешский полярник, немецкий профессор и два российских участника – один из Москвы, а другой из Красноярска. Но они не оставались в тот вечер голодными, ибо уютно сидели за одним столом в другом месте – в ресторане “Берлога”. Если бы дамы из оргкомитета заглянули тогда в “Берлогу” и если бы они смогли разглядеть в уютном полумраке те самые миниатюрные значки в виде трёх звеньев цепи, которые красовались на лацканах смокингов всех пятерых гостей, то они, несомненно, изумились бы ещё раз. Обратили бы они своё внимание и на то, что смокинги гармонично дополнялись чёрными бабочками. Но дам из оргкомитета в “Берлоге” не было. Ну а официанты и метрдотель вовсе не удивились однообразию одежды этих гостей, приняв их за певцов ансамбля “Мадригал”, прибывшего на гастроли как раз в эти дни. Однако через какое-то время стало ясно, что к “Мадригалу” эта пятёрка никакого отношения не имеет.

Если бы обслуживавший эту торжественно облачённую пятёрку официант более сносно владел английским языком, он бы смог, наверное, лучше понять, о чём идёт беседа. Но, увы, его английского хватило лишь на то, чтобы выхватить лишь одно знакомое слово – “brother”, то бишь, брат. Метрдотель, зорко наблюдавший за обстановкой в зале, никак не мог сориентироваться, к какому роду публики можно отнести эту пятёрку. Джентльмены в смокингах были непохожи ни на мелких, ни на средних, и уж тем более на крупных предпринимателей. И на частенько расходящихся в буйном веселье чиновников они были совсем непохожи. О “братках” и вовсе говорить не приходится. А другой публики в “Берлоге” и не бывает.

Когда замечательная пятёрка покинула ресторан, метрдотель подозвал официанта.

– Слышь, о чём они там базарили. Ты хоть понял, кто они?

– Двое из них точно русские, остальные какие-то иностранцы, меж собой по-английски общались. Одно понял, что друг друга они называли братьями.

– Братьями? Ты ничего не перепутал?

– Да точно. Всё время “бразе” да “бразе”, а это значит брат.

– Точно, это и я знаю. Блин! Неужели это иностранные братки с нашими стрелку без шума у нас забили?

– Ну ты даёшь, где же ты таких братков видел? Хотя… иностранцы. Да и у нас в Москве, наверное, братва уже такие понты кидать научилась.

Назавтра метрдотель встретился с одним давним знакомым из чрезвычайно авторитетной конторы. Знакомый был по натуре очень любознателен, и метрдотель вынужден был делиться с ним всеми новостями ресторанной жизни. Метрдотелю это очень не нравилось. Но что поделаешь, если знакомый служит в столь авторитетной конторе? Метрдотель сообщил своему знакомому, что вчера, возможно, в “Берлоге” встречались московские и иностранные авторитеты. Знакомый был критического склада и предположение метрдотеля сразу же отверг. Уж московские-то авторитеты нашли бы себе другое место для стрелки с иностранными коллегами. Но цепкая память знакомого надёжно зафиксировала описание единообразного значка из трёх колец.

По службе любознательный знакомый общался и кое с кем из персонала гостиницы, где размещались участники симпозиума. И в этот же день он поинтересовался новостями из гостиничной жизни у отбывшего свою смену портье.

– Ну, чем ты меня сегодня удивишь? Выкладывай, как там иноземцы с симпозиума, шпионства нам не учиняли?

– Да что вы, Семён Борисович. Вежливые солидные люди…

– Вот-вот. Самый подходящий облик для шпионов.

– Ну и шуточки у вас…

– Шучу, шучу. Но бдительность в нашем деле превыше всего. Ничего необычного в глаза не бросилось?

– Да, пожалуй, бросилось.

– И что же?

– Да вот несколько человек вчера в фойе кучковались, наши и иностранцы, и у всех были одинаковые значки, такие крохотные, но я разглядел.

– Что, три звена цепочки слегка дугой?

– Точно. Так это для вас не новость?

– Новость, новость. А что-нибудь слышал из их разговора?

– Немного. Называли друг друга братьями…

– Братьями? Братва, что ли?

– Ну, может быть, братва международного уровня. Но на наших братков уж точно не похожа.

– Ну и что ещё говорили?

– Да обещали одному из них помочь в его планах.

– А что за планы?

– Да не мог я толком разобрать. О какой-то опытной станции, кажется, речь шла… Да, вот ещё. Сегодня один из них, наш, русский, из гостиницы съехал, а другой, что вчера с таким же значком был, тоже наш, говорит ему на прощанье: “Ну, Олег Иванович, желаю успеха в вашем чудачестве. Не переживайте, поможем. Мы ведь тоже чудаки”.

Семён Борисович любил свою службу, которая постоянно подбрасывала, казалось бы, неразрешимые загадки. Разгадывать их было тяжело, но зато какое сладкое упоение приходило, когда разгадки удавались. Миниатюрные значки его изрядно заинтересовали, и он зарылся в интернет, будучи уверенным, что именно там он скорее всего найдёт разъяснение, что за публика носит эти значки. После дюжины неудачных попыток заставить поисковик “Гугл” найти что-нибудь чётко указывающее на значок из трёх звеньев цепи он задал в окне поисковика англоязычную комбинацию “three chain links + emblem”. Первая же ссылка показалась ему подходящей. Три сцепленных звена цепи оказались символом какого-то независимого ордена со странным названием “Odd fellows” и английской аббревиатурой IOOF. В своё время Семён Борисович успешно завершил восьмисеместровый курс английского языка и старался его не запускать, прогуливаясь по англоязычным сайтам в интернете. Но дать недвусмысленный перевод выражению “Odd fellows” ему никак не удавалось. Возможных вариаций было немало, но все они казались совершенно неподходящими для обозначения тайной организации, подобной ордену масонов.

На помощь пришёл тот же интернет. Поисковики, в том числе и русскоязычный “Яндекс”, обильно выбрасывали ссылки на сочетание IOOF. Вскоре Семёну Борисовичу всё стало ясно. Самый точный перевод “Odd fellows” будет “чудаки”, а тайный орден оказался ничем иным, как независимым орденом чудаков. Забавная конспирация, подумалось Семёну Борисовичу. Чудаки-то чудаки, а ворочают немереными деньгами. Да и тайного в этом ордене кроме ритуалов ничего нет. Почти каждая ложа имеет свои страницы в интер-

нете, все они зарегистрированы в местных органах власти и, прежде всего, в фискальных. Нет, всё-таки они в самом деле чудаки. Как и все помешанные на благотворительности. “Так, выходит, и к нам заглянули братья этого чудного ордена”, – подумалось ему – “И некий Олег Иванович вознамерился чего-то отчудить на ниве охраны природы”.

Глава 5. Чудаки

Кто сказал, что прогресс – это хорошо? Кому-то, ясное дело, хорошо. А кому-то от прогресса хоть в петлю лезь. Не зря ведь англичане, первопроходцы индустриального прогресса, стали записными консерваторами. Пришёл вот к ним прогресс с машинами и серийным производством, и пошли по миру ремесленники, мастера-кудесники, учившиеся своим ремёслам чуть ли не с пелёнок. Были они когда-то уважаемые члены гильдий, по-английски fellows, а прогресс превратил многих из них в odd fellows – в лишних членов гильдий. Велик и многолик английский язык. Так уж он устроен, что odd fellows – это и лишние ремесленники, и… чудаки. Да-да. Именно чудаки-простаки, не от мира сего. Возможно, дело здесь в том, что только чудаки могли осваивать сложные ремёсла во времена торжества прогресса. Так вот, создали эти никому не нужные бедолаги-чудаки в начале восемнадцатого века свой орден взаимопомощи. И чтобы не мешали ордену всякие фискалы, клерикалы и просто лихие люди, завели они у себя порядки, как у могущественных масонов – с таинствами, с ритуалами посвящения, с мистической символикой и помпезной атрибутикой. Не тратили они время и на изобретение собственных обозначений для своих организаций с их предводителями, а ничтоже сумняшеся передрали их у тех же масонов. А может быть, и не передрали. Может быть, именно вездесущие масоны и стояли у истоков нового ордена. Как бы то ни было, но новоявленные тайные организации тоже стали называться ложами со своими магистрами и гроссмейстерами.

Столетие спустя в Соединённых Штатах Америки, в городе Балтиморе зародился новый орден чудаков, независимый от первородного английского ордена, который так и назвали: Independent Order of Odd Fellows – Независимый Орден Чудаков. Заложил его эмигрировавший в Штаты верховный магистр Лондонской ложи чудаков Томас Вайлди – человек, как оказалось, незаурядных способностей. Он существенно демократизировал жизнь созданного им сообщества. В новый орден могли вступать все желающие, независимо от расовой, национальной, религиозной, сословной или политической принадлежности, а не только страждущие ремесленники-англосаксы. Определяющими оставались лишь три нравственных императива: любовь, дружба, правда. На этом месте каждый может скептически хмыкнуть: дескать, на таком зыбком фундаменте устойчивого храма не возвести – все прихожане разбегутся после первой же проповеди. И будет в принципе прав. Но только в принципе. Вопреки всем реалистам-рационалистам Независимый Орден Чудаков живёт и, по слухам, даже процветает и в наше сверхрациональное время, став планетарным, а не сугубо американским явлением. Вероятно, дух неутомимого достопочтенного гроссмейстера Томаса Вайлди покровительствует чудакам и подпитывает их любовь, их дружбу и их стремление к правде.

* * *

Профессор Карлового университета в Праге Йиржи Штястны, коллега и приятель Олега Ивановича, был одним из инициаторов возрождения Независимого Ордена Чудаков в Чехии после бархатной революции 1989-го года. Его дед был в своё время магистром Великой Чехословацкой ложи, разогнанной в 1939-ом году нацистами и запрещённой впоследствии коммунистами. Память об этом с определённым риском нажить неприятности сохранялась в семье Штястных. И вот настали новые времена, и орден возродился в Чехии. Естественно, что Олег Иванович, владелец чешского пивзавода, проводящий не меньше половины своего времени в Чехии, получил приглашение от своего приятеля стать членом

ордена. Поначалу Олег Иванович воспринял всё как плохую шутку. Какой орден? Какие чудаки? Олег Иванович кое-что слышал о масонах и считал их всего лишь эхом малопросвещённого прошлого. По его мнению, все масоны давно уже самораспустились и вымерли. В современных масонов он просто не верил, считая их фикцией, выдумкой писателей приключенческого жанра. Об ордене чудаков он вообще никогда ничего не слыхал. И вот его уважаемый друг, не склонный к шуткам, на полном серьёзе рассказывает о каком-то полусекретном, но легальном обществе с более чем странным названием. Видя замешательство своего русского друга, Йиржи посоветовал ему почитать об ордене в интернете. Через неделю при очередной встрече приятелей в доме Йиржи разговор естественно вернулся к таинственным чудакам.

– Йиржи, ты меня прости, но мне всё это представляется детской игрой взрослых дядей. Всерьёз я все эти условности принять не могу.

– И неудивительно. Ты, кстати, в чём-то прав. Здесь многое от игры. Как в английском парламенте. Но есть в этом и вполне рациональный аспект. В ордене собираются люди не случайные. Главная ценность в том, что в рамках ордена устанавливаются неформальные связи. Орден – своего рода клан. А если внимательно посмотреть на современный мир, то всюду одни кланы. Просто они не бросаются в глаза.

– Интересная мысль… И что, я могу в ордене найти партнёров по бизнесу?

– Вполне. У нас там и наука, и бизнес, и правительственные чиновники, и адвокаты, и богема… А наши игры в ритуалы, кстати, создают прекрасную атмосферу для налаживания деловых связей.

– Да, кажется, до меня доходит. Без этого орден, наверное, давно бы развалился.

– Вот именно!

– И всё-таки я не могу быть членом ордена. Там же требуется “вера в Высшее существо, правящее всем сущим в этом мире”, а я, извини меня, убеждённый безбожник.

– Так и я тоже…

– Значит, ты нарушаешь устои…

– Нет, ничего я не нарушаю. И ты не нарушишь…

– Как так?

– А ты вдумайся. Высшее существо – это же не Иисус Христос, это не Аллах, не Яхве, не Будда. Это собирательное понятие, и каждый трактует его, как хочет. Для меня, например, Высшее существо суть сама природа, её законы. И вера в него подразумевает, что братья ордена должны быть людьми с моральными принципами. Только такие люди и могут любить, дружить и искать правду.

– Как-то это всё запутано. Зачем вообще упоминать о Высшем существе, разве не достаточно канонизации любви, дружбы и правды?

– Разумеется, ты прав. Но не забывай, что орден возник в Штатах, с их запредельной религиозностью. И заметь, что в помешанных на христианстве Штатах орден не требовал от своих членов быть именно христианами. Для ордена равны все религии и даже безбожие. Достаточно веры в то, что миром правит любовь, дружба и правда. Верить в Высшее существо в нашем ордене означает быть порядочным человеком, для которого быть порядочным означает то же, что и быть верным христианином, иудеем, мусульманином для верующих. Теперь понимаешь?

– Ну, вроде улавливаю… Получается, что упоминание Высшего существа всего лишь дань традиции, когда безбожие считалось чем-то предосудительным?

– Ну слава богу! Ты всё правильно понял.

Олег Иванович проштудировал всё, что нашёл в интернете на всех доступных ему языках, подумал-подумал и решился вступить в мировое братство чудаков. Через месяц он

в сопровождении Йиржи предстал перед несколькими авторитетными членами Пражской ложи, своего рода отборочной комиссией, для предварительного собеседования. Собеседование проходило в просторном, со вкусом обустроенном офисе престижной адвокатской конторы в самом центре Праги. Вёл собеседование сам владелец конторы. Представление Йиржи было одобрено, а Олег Иванович подумал, что иметь близкие отношения с таким адвокатом совсем бы не помешало. Полезность участия в ордене получила первое подтверждение.

Две недели спустя Олег Иванович, облачённый в смокинг, с бабочкой на шее, в белоснежных перчатках дожидался начала приёмного ритуала в просторном вестибюле старинного дома неподалеку от Карловой площади. В этот вечер принимались ещё два кандидата, так же, как и Олег Иванович, от лёгкого волнения переминавшиеся с ноги на ногу. У каждого кандидата был свой рекомендующий. К удивлению Олега Ивановича один из кандидатов говорил на чешском с сильным русским акцентом. Оказалось, что это банкир аж из Новосибирска, женатый на чешке, по нескольку раз в году навещающий свою тёщу в Праге. Один из чешских родственников и пригласил его в ложу. Его рекомендующий тут же пояснил, что в Пражской ложе есть несколько иностранных членов, а вот в немецкой ложе в Берлине есть даже правительственные чиновники из России, и рано или поздно ложи ордена чудаков возникнут и в России.

Ритуал начался под торжественные и мощные звуки органа и длился более часа. Весь обряд показался Олегу Ивановичу до боли знакомым. Очень похожее действо описывалось в одном из детективов, которые он в своё время глотал один за другим, осваивая немецкий язык. В том детективе речь шла о масонах, и Олег Иванович воспринял сцену приёма в масонскую ложу как чистой воды выдумку автора, такую же, как и весь сюжет. И вот он сам, будучи в здравом уме и при ясной памяти, проживает почти такую же сцену… В конце ритуала магистр торжественным голосом произнёс нечто, что заставило Олега Ивановича заволноваться, а в тот ли орден он вступает? “Помните, что братья ордена должны помогать неимущим, хоронить умерших и воспитывать сироток”, – внушительно подчеркнул магистр. Представить себя в роли, скорее подобающей монаху, чем члену клана деловых людей, он никак не мог. Уже после торжественного ужина, устроенного ложей в честь новых членов, Йиржи успокоил его: “Не переживай. Это всего лишь ритуальная формула, ещё одна дань традиции. Нашему ордену не чужда благотворительность, но, разумеется, не в такой конкретной форме”.

Олег Иванович в конце концов признался самому себе, что ему повезло со вступлением в ложу. И дело здесь не только в обретении полезных знакомств, но и в возможности на время отключиться от боли утраты семьи. Через год Олег Иванович, уже в качестве рекомендующего, привёл в Пражскую ложу своего старого друга из Красноярска, однокашника по университету, ставшего известным биохимиком.

Глава 6. Замысел

Говорят, что ближайшие предшественники человека на эволюционной лестнице были существами стадными. О современном же человеке говорят, что он – существо социальное. Оно и понятно. Социальное существо – это звучит гордо. А стадное существо? Ну разве может венец творения быть стадным существом?! Как говорится, почувствуйте разницу. А по сути-то, в чём она? Нет ведь никакой разницы между “стадным” и “социальным”. Да… Чему, несомненно, научился человек в процессе эволюции, так это лицемерию… Также говорят, что не было в древних социумах-стадах более страшного наказания для провинившихся, чем изгнание из стада. А вот среди современных людей нередко находятся особи, добровольно избирающие себе отшельничество. Для них, вероятно, нет большего наказания, чем быть вынужденными жить среди себе подобных. Уединяются религиозные фанатики, уединяются философы. Ищут одиночества несчастные влюблённые и поэты. Ищут убежища толстосумы, норовя спрятаться от мира, чтобы никто не покусился на их богатства. Есть и просто малообщительные личности, которым вполне хватает общения с небом, лесом, рекой, верным псом и с самим собой, и никакая компания им не нужна.

Олег Иванович был понемногу и философом, и поэтом. Кто-то назвал бы его и религиозным фанатиком в том смысле, что его религией было безбожие. С потерей семьи его можно было бы с определённой натяжкой считать и несчастным влюблённым. Кто-то назвал бы его и толстосумом, но самому Олегу Ивановичу и в голову не приходило, что на его суму кто-то мог бы покуситься. Когда-то он был очень общительным человеком, а теперь… Как бы то ни было, но пришедшая к нему однажды мыслишка, убраться куда-нибудь подальше от суеты бытия да предаться размышлениям о самом главном, тихой сапой пробралась к нему в душу и прочно там угнездилась. И он всё чаще и всё серьёзнее стал подумывать об уединении.

И куда же податься ищущему уединения? На земле осталось совсем немного мест, где бы на сотни километров вширь и вдаль не встретить никого. Разве что в Антарктиде. Но Антарктида – казалось бы, идеальное место для отшельника – Олегу Ивановичу сразу не понравилась. Очень уж она безжизненна. А Олег Иванович всегда представлял себе будущую свою обитель на берегу небольшого озера, богатого рыбой. Став заядлым рыбаком, не хотел он лишать себя рыбацких радостей. Да и в пище он всегда предпочитал рыбу мясу. В России же, слава богу, есть ещё подходящие места – в Сибири и на Дальнем Востоке. И Олег Иванович обратил свой взор на Саяны. Он там ни разу не был, но, будучи начитанным человеком, хорошо мог себе представить, какая там природа. Сопки, горы, густо поросшие лесом. Бурные речки, изобилующие сибирской форелью – хариусом. Небольшие горные озёра. Прямо-таки Швейцария. Много солнечных дней, резко континентальный климат с летним зноем и лютыми морозами зимой. Построить дом на берегу такого озера, наблюдать звёзды ясными ночами, удить рыбку, писать в тиши философский фолиант и размышлять без помех… Такая соблазнительная картина всякий раз рисовалась в мыслях Олега Ивановича перед сном. Стала эта картина являться ему и во сне.

В конце концов Олег Иванович начал прикидывать, как реализовать такие мечтания. Всё получалось хорошо, только транспортировка стройматериалов и прочих грузов в Саяны возможна лишь вертолётом, а много ли вертолётом перевезёшь? Кроме того, Олегу Ивановичу в мечтах рисовалась не лубяная избушка, освещаемая лучинами, как у староверов, а современное комфортабельное жильё с надёжным снабжением электроэнергией. Для этого годились бы ветроэлектрогенераторы и солнечные батареи. Но ни то, ни другое в самый разгар зимы, когда потребность в энергии особенно остра, в Саянах с их туманами и полнейшим штилем невозможно использовать. Нет, Саяны не подходят, осознал Олег Иванович

и начал искать себе убежище в других местах Сибири. И всюду препятствием было полнейшее безветрие во времена длительных зимних сибирских антициклонов.

Уже отчаявшись найти место, богатое на ветра, он бросил свой взгляд на Крайний Север. И сразу же понял, что ему нужен Таймыр. Обилие рек и озёр, многие из которых до сих пор остаются безымянными. Водоёмы сказочно богаты рыбой, к тому же преимущественно ценных пород. Необъятные просторы равнинной тундры и Ледовитого океана… Там есть, где разгуляться ветрам – неиссякаемому источнику энергии. Даже в зимние морозы. И забраться туда можно по замёрзшей тундре из Норильска или Дудинки с помощью мощного вездехода, завезя за один раз хоть сотню тонн грузов. Вот где можно уединиться! К тому же Таймыр – его родина. Всё! Решение принято. Олег Иванович стал прорабатывать проект своего переселения вглубь Таймыра.

* * *

Нет, не зря существует на свете орден чудаков! У братьев ордена есть неоспоримое преимущество перед простыми смертными. Столкнётся брат с проблемой, обратится к братьям за советом и помощью, и найдутся братья, компетентные и способные помочь. Первыми, с кем поделился Олег Иванович своими мыслями об уединении на Таймыре, были именно его братья по ложе. Возможно, многие из них подумали, что Олег Иванович слегка свихнулся. Но братья – солидные интеллигентные люди, и те, кто так подумал, не обидели Олега Ивановича неуместным в данном случае прямодушием. Наоборот, он

нашёл понимание и поддержку. Брат Вацлав, владелец инженерно-архитектурного бюро, предложил свои услуги по проектированию подходящего дома. Оказалось, что он незадолго до этого принимал участие в конкурсе на разработку проекта чешской научной станции в Антарктиде. Конкурс он проиграл, а победила фирма, предложившая проект станции на основе несущих стеновых панелей-сэндвичей из плит ОСБ[10] и пенополистирола. Проигравший конкурс брат Вацлав не загордился и предложил Олегу Ивановичу применить технологию более удачливого соперника.

Едва ознакомившись с ней, Олег Иванович восхитился – вот оно идеальное решение для его задумки! Панели-сэндвичи оказались самыми-самыми почти по всем параметрам: максимальная теплозащита при минимальном весе и поразительной механической прочности. Дом из них почти ничего не весит, и проблема доставки заготовленных стройматериалов существенно упрощается. К тому же монтаж такого дома из заранее приготовленных в заводском цеху деталей не займёт и недели. Обнаружился, правда, один изъян – стены из этих панелей легко прострелить даже из пистолета. Для “новых русских” этот изъян существенен, но не для ищущего уединения в безлюдье, где бандиты не водятся по определению. А потому Олег Иванович, не долго думая, подписал с братом Вацлавом договор на разработку проектной документации. И брат Вацлав не подвёл. Через полгода десять томов чертежей, таблиц и прочих строительных мудростей на комфортабельный дом с автономным электроснабжением от двух ветрогенераторов, адаптированный к условиям вечной мерзлоты, были готовы и переведены на русский язык.

Олег Иванович с детства усвоил, что сапоги должен тачать сапожник, а пироги печь – пирожник. И уж тем более, проектировать дома должны архитекторы и инженеры-конструкторы. Бюро брата Вацлава и представляло собой команду тех и других. Предложенный ими дом был прост и функционален. Зимой в нём не страшны были никакие морозы. Современные технологии утилизации отходов жизнедеятельности давали уверенность, что непрошен-

[10] ОСБ – OSB – аббревиатура от английского “oriented strand board”, обозначающее плиту из проклеенных и спрессованных древесных стружек, волокна которых специально ориентированы в каждом слое.

ный в тундре отшельник не загадит ни озеро, на берегу которого Олегу Ивановичу хотелось бы поселиться, ни тундру вокруг. Дом имел надёжную систему водоснабжения, которая бы не разморозилась и при минус ста градусах. Сердцем проекта были два немецких десятикиловаттных ветроэлектрогенератора, обеспечивавшие дом качественной электроэнергией с большим запасом.

В тундре из-за вечной мерзлоты можно строить дома только на сваях. Как быстро поставить надёжные сваи в тверди вечной мерзлоты? Быстро не получалось – традиционные методы требовали больших затрат времени и труда. Предложенное братом Вацлавом решение поставить дом на винтовые стальные сваи из Германии привело Олега Ивановича в восторг. Самая трудоёмкая часть работы превратилась в самую лёгкую. Короче, проект Олегу Ивановичу решительно понравился, и получив от брата Вацлава добротно переплетённые тома технической документации, Олег Иванович понял, что точка невозврата уже пройдена. Ему очень захотелось реализовать такой замечательный проект, и далее он действовал целеустремлённо и сосредоточенно.

Брат Вацлав постарался от души. Документация была проработана до последнего шурупа и снабжена подробнейшими инструкциями по монтажу дома. В море чертежей и пояснений Олег Иванович не мог сразу разобраться, но через неделю обратил внимание, что все двери и окна в доме имели возможность открываться и закрываться с помощью электропривода по командам с центрального пульта. Олегу Ивановичу показалось это совершенно излишним.

– Вацлав, зачем ты электрифицировал мне все двери и окна? Я вполне могу открывать и закрывать их вручную.

– Это твоё дело, Олег. Можешь от этого отказаться. Но помяни моё слово, тебе эта система обязательно понравится. Ты можешь, не вставая с места, проветривать свой дом, как хочешь. Да мало ли что случится, подвернёшь ногу, каждый шаг может быть тебе в тягость. Вот тогда-то эта система и пригодится.

– И что, такие двери кто-нибудь заказывает?

– Ещё как. Толстосумы об этом беспокоятся в первую очередь. Ну те, у кого на виллах службы безопасности размещаются. У них, кстати, это обязательное требование. Проникнет какой злодей в такую виллу, а сторожа его с помощью управляемых дверей в любой местности заблокировать могут.

– Ну а мне-то это зачем?

– А что, в тундру злодеи, думаешь, не заберутся?

– Да трудно туда будет попасть.

– Ну смотри, дело хозяйское, но я бы тебе не советовал от этой системы отказываться. Сам увидишь, что с ней жизнь комфортнее будет.

Олег Иванович возражать не стал. Кто знает, что будет с ним в недалёком будущем? Под старость и такое облегчение жизни может быть в радость.

* * *

Ещё несколько лет назад Олег Иванович ни за что бы не поверил, что ему может прийти в голову такая сумасбродная идея – уединиться, как библейскому отшельнику. А теперь он стал этой идеей попросту одержим. Предстоящее одиночество представлялось ему вполне естественным. А сколько интересного ожидает его в добровольном заточении… В общем, будущее рисовалось ему просто прекрасным: быть ни от кого независимым, иметь возможность размышлять о мироздании и изложить свои мысли в монографии. К тому же испытывать особый уют посреди крайне негостеприимной тундры. Успешное противостояние стихиям – это должно быть клёво! Олег Иванович, человек уходящего поколения, консерватор,

терпеть не мог молодёжного сленга, но вот надо же! Попутал его бес-искуситель, и непроизвольно сорвалось у него в мыслях непереносимое слово – “клёво”. Напрашивающееся из его испытанного лексикона “замечательно” как-то поблекло по сравнению с этим дерзким “клёво”.

У одиночества помимо прочего есть ещё один существенный плюс – отшельник на исходе своих дней никому не будет в тягость. Никто не станет в мыслях повторять Пушкина “Когда же чёрт возьмёт тебя!”. Отшельники умирают легко, по крайней мере, для других. Разумный отшельник должен позаботиться и о том, чтобы и для себя умереть легко, без мучений. Мысль об одиночестве у Олега Ивановича как-то автоматически соединилась с мыслью последующего ухода из жизни когда-нибудь потом. То есть, его уединение должно закончиться не возвращением в мир бурлящей жизни, а уходом в мир теней. Когда-нибудь потом, в необозримом будущем… Вот именно, что потом. Не сейчас. И об этом можно будет подумать позднее. Но вот однажды ему представилось особенно отчётливо, что это необозримое будущее может оказаться вполне обозримым и близким. И было бы легкомысленно не озаботиться этим заранее. Однако, первая же конкретная попытка поразмышлять на эту тему вызвала у него беспокойство. Ну вот умрёт он в своём уютном доме и будет лежать непогребённым неопределённо долго. Когда-нибудь придут люди в его дом… Боже, какую неприглядную картину они увидят! Нет! Этого нельзя допустить. А как? Загадка. Как сделать, чтобы своими останками не осквернить ни дом, ни окрестности и не вызвать неприятные эмоции у тех, кто когда-нибудь придёт в его обитель? И решение нашлось.

Уставший от жизни, исполнивший всё, что задумано, слабый старик укладывается на ложе из сухих лиственничных брёвен, одевает на руку датчик пульса, принимает смертельную дозу снотворного и засыпает вечным сном. Датчик пульса при его полной остановке посылает сигнал на пульт управления, который приводит в действие фитиль. Под брёвнами вспыхивает костёр, пламя перекидывается на брёвна. Свежий западный ветер раздувает огонь, и бренное тело старика дымом улетает в бескрайнее небо. Огненное погребение завершается. На месте остаётся куча золы, которую таймырский ветер разносит по тундре. Через год никаких следов от старика не остаётся.

Олег Иванович явственно представил себе такую картину, словно он стоит неподалеку и ощущает жар от горящей лиственницы. Чёрт возьми! Это был бы замечательно красивый уход. Никому не досаждая, исчезнуть из этого мира. Идея огненного самопогребения захватила Олега Ивановича, и он стал прикидывать, сколько лиственницы необходимо, удастся ли сжечь всё так, чтобы в дым и золу обратились не только мягкие ткани, но и крупные кости скелета. С костями возникала заминка. В костре на ветру едва ли удастся создать необходимую температуру в достаточном объёме и достаточно долго. Надо бы поднять температуру горения. Первая мысль была подавать в зону горения кислород из баллона. Но с кислородом надо быть осторожным – может рвануть подающий шланг, и всё будет напрасным. И химик Олег Иванович быстро нашёл безопасную альтернативу: вместо кислорода надо подавать закись азота. Она не взрывается, но при разложении в пламени костра высвобождает большое количество кислорода, и температура горения от этого резко возрастает. Вот тогда и будет обеспечено полное сгорание.

Продумав и просчитав всё необходимое, Олег Иванович сам начертил устройство для равномерного распределения закиси азота под ложем погребального костра. Завершив эту работу, Олег Иванович испытал заметное облегчение и даже прилив веселья. Теперь можно не печалиться проблемой ухода. Он уйдёт красиво. А раз так, то было бы неплохо отснять весь этот процесс на видеокамеру. Пусть те, кто когда-нибудь придёт на его станцию, убедятся, что он не сбежал и не затаился, а именно улетел в небо.

* * *

Не имей сто рублей, а имей сто друзей – гласит народная мудрость. Ста друзей у Олега Ивановича не было. У него вообще не было друзей в общепринятом смысле слова. У него было несколько приятелей, совсем немного, с которыми он с удовольствием общался при встречах, на которых он мог рассчитывать, и которые также могли рассчитывать на него. Но их отношения нельзя было назвать той дружбой, о которой слагают песни. Это было именно приятельство. Приятели не лезут друг другу в душу. Они друг другу симпатизируют и друг друга уважают. У Олега Ивановича был в жизни один настоящий друг – это его жена. Наверное, друзья встречаются только у тех мужчин, кто не завёл себе верную спутницу жизни.

Мудрость мудростью, а жизнь жизнью. Отсутствие друзей, как показывает практика, вполне компенсируется наличием денег. У Олега Ивановича не было ни друзей, ни приятелей, ни просто знакомых в чуждой ему сфере автомобилестроения. Но он нашёл подрядчика в Мурманске, готового за приемлемый гонорар спроектировать и изготовить индивидуальный вездеходный автопоезд из тягача и двух прицепов для заброски в один присест всего необходимого в тундру. Почти полностью автопоезд был изготовлен в Минске. В Мурманске тягач был дооборудован для эксплуатации при морозах до минус шестидесяти градусов. Всё было сделано лучшим образом без малейших намёков на дружбу между Олегом Ивановичем и подрядчиком. Также и в Питере он нашёл совершенно незнакомых ему электронщиков, которые спроектировали и скомплектовали всё необходимое для организации надёжной связи между его будущим убежищем в тундре и остальным миром. Те же электронщики сделали Олегу Ивановичу чувствительную систему безопасности. В радиусе почти до километра вокруг дома эта электроника могла фиксировать перемещение крупных зверей – медведей, волков, оленей – и людей. Застать Олега Ивановича врасплох в его будущем доме в тундре будет невозможно.

Закупить всё необходимое для воплощения задумки в жизнь было относительно просто. Были бы деньги, а деньги у Олега Ивановича, слава богу, имелись, и немалые. Гораздо сложнее было получить у властей разрешение на строительство дома в центре северной оконечности Таймыра. Олег Иванович умудрился раскрутить свой бизнес без малейшего соприкосновения с чиновниками. Точнее говоря, с российскими чиновниками. В Чехии он вынужден был изредка отчитываться и ходатайствовать в государственных учреждениях. И он уже привык, что чиновник в Чехии – друг человека, как он сам шутливо делился своими впечатлениями со знакомыми в России. Никаких препонов ему в Чехии чиновничество не чинило. Скорее, наоборот – охотно и бескорыстно помогало. Такого же отношения в России Олег Иванович не ждал. Не имея собственного опыта, он, тем не менее, прекрасно знал, что любая подпись чиновника в России стоит немалых денег. Он мог бы, конечно, подмазать в нужных местах и получить вожделенные разрешения и согласования. Мог бы, но не хотел. Измажешься раз, не отмоешься никогда. И Олег Иванович начал искать обходные пути.

И снова ему помог орден чудаков. Он вместе с братьями Йиржи и Вацлавом навестил берлинскую ложу в уютном районе Груневальд. Там он получил координаты брата из России, который являлся руководителем одного из подразделений министерства природных ресурсов. Магистр берлинской ложи написал рекомендательное письмо своему брату, и Олег Иванович через месяц встретился с ним прямо в здании министерства. Обменявшись ритуальными приветствиями, братья очень быстро нашли общий язык. Заходившая время от времени в кабинет секретарь была уверена, что её босс встретился со старым другом-однокашником – настолько приятельски протекала их беседа. К этому времени Олег Иванович придумал ширму для своего частного проекта. Он назвал своё будущее убежище научной станцией, которая будет вести мониторинг погоды и северных сияний. Брат-чиновник рас-

кусил хитрость Олега Ивановича – особой потребности в такой научной станции, очевидно, не было, но чинить препятствий не стал. “Ну что ж, научная станция – дело благородное, надо поддержать. Тем более, средств из бюджета ты не просишь”, – подмигнул он Олегу Ивановичу и заверил, что поднадавит на губернатора в Красноярске.

– У тебя есть кто-нибудь в Красноярске, кто бы “приделал ноги” бумагам в канцелярии губернатора?

– Профессор-биохимик подойдёт?

– Не лучшая рекомендация для бюрократических игр, но за неимением…

– Он, кстати, тоже брат ордена, как и я.

– Что, орден уже пробрался в Красноярск?!

– Нет, что ты. Он в той же чешской ложе, что и я.

– Ну тем лучше. Оставь его координаты, я подготовлю нужную бумагу и пошлю копию твоему брату.

– Прекрасно!

Так Олег Иванович смог в конце концов получить все необходимые согласования и разрешения, не запятнав себя ни копейкой взяток. Наряду с разрешениями, относящимися строительству, Олег Иванович получил также и разрешение на приобретение оружия – карабина “Тигр-9” и пистолета Макарова. И какая из этого следует мораль? Вот она: если бы удалось всех российских чиновников обратить в чудаков, исповедующих любовь, дружбу и правду, то, глядишь, и искоренилось бы на Руси мздоимство!

Глава 7. Фишер и “Форекс”

Ваня Фишер родился и вырос в Сибири в большой семье немцев-спецпереселенцев, потомков немецких колонистов екатерининской поры. Почти двести лет в немецкой колонии сохранялся родной немецкий язык, но уже первое поколение, рождённое после насильственной высылки поволжских немцев далеко за Урал, по-немецки почти не говорило. Вот и Ваня Фишер, как и его братья и сестры, к большому огорчению учительницы немецкого языка получить оценку выше тройки никак не мог. После школы Ваня поступил в сельхозинститут в Омске и через пять лет стал агрономом. Ваня вернулся в родную деревню, женился и начал скучную своей размеренностью жизнь, от которой не ожидал никаких перемен ни к лучшему, ни к худшему. Но пришла перестройка, и вихрь обрушившихся потрясений забросил его на родину дальних предков – в Дюссельдорф, где он из Ивана превратился в Йоханна.

На новом месте всё, казалось бы, было замечательно, но найти хорошую работу Йоханн никак не мог – его диплом агронома никого не интересовал. Да и немецкий язык у него был хуже некуда. “Да, здешний хрен не слаще нашей редьки”, – всякий раз проговаривал он в уме, отмечаясь на бирже труда. Но однажды забрезжил свет в конце тоннеля – ему рекомендовали пройти курсы веб-дизайнеров. Поучившись три неполных месяца, Йоханн стал перебиваться случайным заработками, создавая простенькие сайты для более предприимчивых земляков, таких же переселенцев, раскрутивших собственную торговлю на новой родине.

Избыток свободного времени Йоханн проводил в свободном плавании в океане интернета, где он естественно заякорился на популярном сайте “Одноклассники”. Там он и столкнулся вновь с бывшим однокашником Коляном Мягковым, что его не особенно порадовало. Был Колян в школе головной болью учителей, а после школы он очень быстро стал головной болью милиции. До Йоханна ещё в Союзе дошли слухи, что стал Колян убеждённым уголовником-рецидивистом. Но вот Колян объявился через интернет, и оказалось, что он вполне преуспел в жизни. В Москве у него свой бизнес, общается он только с солидными людьми, разъезжает по свету и запросто может подкатить к Йоханну в гости. Йоханн таким самоприглашением Коляна ничуть не воодушевился, но возразить не смог. В школе пользовался он нелестной славой мягкотелого тюфяка, и с годами характер его не затвердел.

И вот тёплым майским вечером 2007 года сидит Йоханн с Коляном на открытой террасе ресторана и не знает, как отвязаться от брызжущего самодовольством однокашника.

– Слышь, Ваня, ты со мной не пропадёшь. Ты не представляешь, какой у меня авторитет в серьёзных кругах. Двенадцать лет на киче – это заслужить надо. Не каждому дано. А сейчас я при таких делах, Ваня… А ты, я вижу, не кайфуешь?

– Да куда там. Так, перебиваюсь.

– Не дрейфь! Ты в компьютерах сечёшь?

– Ну так… в общем. Страницы в интернете по заказам делаю.

– Это хорошо. А хочешь, я тебя на работу устрою?

– Ты? Где?

– Да тут же, в Дюссельдорфе.

– Да брось…

– Ваня, ты же меня знаешь. Колян сказал, Колян сделал.

– И что за работа?

– А смотрящим будешь.

– Как это, смотрящим?

– Да очень просто. Наш один авторитет держит тут на паях с вашими одну такую контору. В общем, брокеры они. Валютой торгуют. Про “Форекс” слышал?

– Ну так, в общих чертах.

– Ну вот. На этом “Форексе” наши лохи свои денежки просаживают. Ну кто-то там и выигрывает, кому какая масть выпадает. Так вот наши русские лохи в последнее время ломанулись сюда счета открывать, как раз в здешней конторе. Считают, что здесь всё по-честному. Так оно так и есть – всё чин чином. Просто наш авторитет хочет всё держать под контролем, и ему нужен свой работник в этой конторе, чтобы всё видел и всё отслеживал. Потому и “смотрящий”.

– Хм, и что, ты думаешь, я ему подойду?

– А что ты, хуже других? Твоё дело сидеть, не рыпаться, и обо всех клиентах с нашей родины регулярно докладывать, какие богатенькие буратины свои денежки сюда несут. Интересуют главным образом те, что счета на сотни тысяч евро открывают.

– А это законно?

– Ну ты даёшь! При чём тут закон? Ты же ничего воровать не станешь. Просто начальству вовремя докладывать, а вот с другими полный молчок.

– А как с зарплатой?

– Вот, с этого бы и начинал. Зарплата как в банке. Для начала пять тысяч евро в месяц положат, а потом ещё столько же премиальных может быть. Устроит?

У Йоханна пересохло в горле. О “Форексе” он слышал. Были у него и знакомые, которые на “Форексе” пытались разбогатеть. Сам он играть с Фортуной не рисковал, интуитивно чувствуя, что все эти игры, хоть с валютой, хоть с акциями, рано или поздно кончаются крахом. В выигрыше всегда остаются только брокеры. И вот ему предоставляется шанс самому стать брокером, иметь достаток и быть защищённым от краха.

– Ну, попробовать стоит…

– Да уж куда там, конечно же стоит! Ну так что, согласен?

– Согласен. С чего начинать?

– А ни с чего. Сиди дома и жди. Я шефу о тебе почирикаю, он даст команду здешнему бугру, и тебя, как белого человека, пригласят. Твоё дело – не выкаблучиваться, и всё будет тип-топ.

Колян на следующий день улетел в Москву, а через две недели Йоханн получил приглашение на собеседование к шефу брокерской конторы, размещавшейся на верхнем этаже офисного здания в деловом центре Дюссельдорфа. Всё и в самом деле прошло, как по маслу. На следующий день Йоханн числился уже в штате и проходил инструктаж. Его работой стало открытие и сопровождение счетов русскоговорящих клиентов. Было это совсем несложно. Жить стало намного веселее. Спасибо Коляну!

Месяц спустя Колян объявился в Дюссельдорфе снова.

– Ну что, научился дурить лохов?

– Да никто никого не дурит, всё нормально.

– Нормалёк, нормалёк. Я же говорил. А теперь слушай сюда. Запоминай на работе, какие клиенты с толстыми счетами у вас там обогащаются, а дома заноси их в список. И раз в месяц сбрасывай мне с домашнего компа.

У Йоханна засосало под ложечкой. Вот оно! При инструктаже его предупреждали о необходимости соблюдать в строжайшей тайне любую информацию о клиентах, а тут Колян его прямо на шпионаж толкает.

– А что ты так скис?

– Да нельзя же о клиентах информацию передавать.

– Нельзя. Всё правильно. Ты и не передавай её никому. Кроме меня. Она же шефу нужна для контроля. Ты же не на сторону инфу толкаешь, а самому совладельцу даёшь отчёт. В чём тут грех? Шеф других совладельцев контролировать должен? Должен. А тебе это дело поручено, потому что я за тебя слово замолвил. Ты же никого никогда не закладывал, не так разве?

– Ну, так вроде…

– Да так, так! Я ж тебя знаю. Но имей в виду, начнёшь трепаться, мне и тебе головы не сносить. Шеф этого не любит.

И Йоханн с тяжёлым сердцем согласился с Коляном. Началась новая рутина. Он аккуратно и добросовестно работал в небанковском секторе брокерской конторы. Нередко ему приходилось растолковывать нюансы игры на “Форексе” новым клиентам. Его спокойный рассудительный тон почти всегда снимал сомнения у клиентов, и они подписывали объёмистые договора об открытии счетов в брокерской конторе. Дома же он делал заметки из памяти о движении денег на счетах наиболее богатых клиентов из бывшего СССР. В конце месяца заметки сжимались до краткого одностраничного отчёта, который тут же уходил на электронный адрес Коляна.

* * *

Шеф Йоханна в брокерской конторе господин Тюлли, швейцарец по происхождению, любил работать в своей загородке с открытой дверью. Так он слышал все разговоры в операционном зале. Рабочее место Йоханна было прямо у двери к шефу, и он прекрасно слышал, как шеф общается с потенциальными клиентами, звонившими в контору. Со временем Йоханн непроизвольно стал копировать уверенную манеру шефа вести беседу в нужном направлении, а на сильный русский акцент Йоханна порой стал накладываться швейцарский акцент шефа. Однажды шеф необычно сильно возбудился в разговоре с очередным желающим поиграть на “Форексе”.

– Очень хорошо, господин Дудински, очень хорошо. Мы рады таким клиентам, как вы… Да-да, мы охотно встретимся с вами в нашем бюро. Для вас мы обязательно найдём время… Что? Вы сейчас в Чехии? У вас там бизнес?… Прекрасно, прекрасно… Договорились, ждём вас. До свидания.

Господин Тюлли вышел из своей загородки, довольно потирая руки. Подойдя к месту оператора, ведущего чешское направление, возбуждённо заговорил:

– Господин Кратохвил, у вас намечается серьёзный клиент, и вот что я вам скажу: этот чех говорит по-немецки, как немец. Я поначалу был уверен, что он откуда-то из Баварии. Да, кстати, Дудински – это же чешская фамилия, не так ли?

– Да, такая фамилия не удивительна, но она, скорее всего, польская. В Чехии многие имеют польские корни, а Дудински явно имеет польскую кровь.

– Ну, как бы не сглазить, на той неделе он заявится к нам.

Через неделю гость из Чехии – седой, как лунь, грузный старик – объявился в загородке шефа. Шеф плотно закрыл за собой дверь, и Йоханн улавливал лишь отдельные эмоциональные выкрики обычно спокойного швейцарца. На этот раз разговор шефа с клиентом затянулся на целый час – неслыханное дело. Коллега Йоханна Кратохвил сгорал от любопытства, что за фрукт попадает под его опеку? Любопытство его с приятным предчувствием достигло предела и тут же сменилось разочарованием, когда шеф, простившись с гостем, подошёл не к нему, а к Йоханну. Настал черёд изумляться Йоханну: столь важный новый клиент, не то немец, не то чех, оказался на самом деле… русским. К Чехии же он имел отношение как владелец пивзавода средней руки возле Праги. Глянув на договор, только что подписанный господином Дудинским, Йоханн не сразу поверил своим глазам: новый клиент депонирует пять миллионов евро – рекордный вклад в небанковском секторе их брокерской конторы.

Где-то через неделю после активации счёта Дудинский открыл первую позицию с осторожным рычагом один к десяти на пятьдесят миллионов и поставил на рост евро по отношению к американскому доллару. Через полчаса позиция была закрыта, а на счету загадочного клиента прибавилось без малого сто тысяч евро. В этот день Дудинский ещё дважды откры-

вал позиции по евро-доллару и оба раза удачно ставил на рост евро. В итоге новый клиент заработал за день двести двадцать тысяч евро. Затем последовала пауза на целую неделю, после чего история повторилась: Дудинский в течение дня трижды ненадолго открывал позиции на рост евро к доллару и трижды имел успех, нарастив на своём счету ещё сто пятьдесят тысяч евро. Ещё через неделю Дудинский снова заработал – на этот раз почти двести пятьдесят тысяч евро. Так и пошло. Дудинский изредка и ненадолго открывал позиции на рост евро и почти всегда выигрывал. Иногда у него случались и проигрыши, но он быстро закрывал позиции, как только курс евро начинал падать. Через полгода на счету Дудинского было уже более семи миллионов.

Господин Тюлли имел устойчивые привычки. Каждый год третью неделю августа он проводил на рыбалке в Норвегии. И вот настал очередной август, на этот раз 2008-ой по счёту от рождества Христова, и господин Тюлли вновь собрался на рыбалку. В последний день перед отъездом он неожиданно пригласил к себе Йоханна.

– Послушайте, господин Фишер, в субботу девятого августа у вашего подопечного господина Дудинского день рождения. Мы обязательно должны его поздравить. К таким солидным клиентам мы обязаны относиться с максимальным респектом. К сожалению, я не могу его поздравить сам и прошу вас сделать это от моего имени. Вот вам текст. Пожалуйста не забудьте отправить его в понедельник одиннадцатого числа прямо с утра.

– Хорошо, господин Тюлли, обязательно будет исполнено.

В тот же день вечером Йоханну позвонил Колян.

– Ну так как дела? Колись.

– Да какие тут дела. Всё по-старому.

– Ну а тот пензенский старик ещё не разорился?

– Этот разорится, как же, жди. Клепает деньги, как семечки щёлкает.

– Ух ты! Так это же здорово, Ваня. Пусть клепает. Кстати, о нём мы до сих пор ни хрена не знаем. В чём дело?

– Так я ж тебе говорил. Все данные об этом клиенте хранятся у босса. А это значит, как в швейцарском банке. Не добраться.

– Вот это хреново, Ваня. Ну хоть что-нибудь ты можешь из своего босса вытянуть? Разговори его на каком-нибудь корпоративе.

– Да уж. Легко сказать “разговори”. Это же кондовый швейцарец. Да, вот чуть не забыл. У Дудинского девятого августа день рождения. Буду его в понедельник поздравлять от имени босса.

– Он что, в Дюссельдорфе будет?

– Да нет. Пошлю ему поздравление “мылом”.

– Жалко. Но ничего. Не кашляй.

Сумма на счету Дудинского постоянно нарастала. Однажды Дудински открыл позицию с рычагом один к сорока на двести миллионов евро и через час её закрыл, срезав пятьдесят пунктов и заработав сразу миллион. Босс Йоханна только качал головой: этот русский старик имеет прямо-таки собачий нюх и безошибочно чувствует, куда пойдёт непредсказуемый валютный рынок. За год счёт Дудинского вырос до двенадцати миллионов, и это привело Коляна в лихорадочное возбуждение.

Глава 8. Колян берёт след

Год спустя после чудодейственного устройства на хорошо оплачиваемую работу Йоханн заметил, что в последние месяцы несколько важных клиентов закрыли свои счета. Господин Тюлли стал проявлять недовольство. Он поручил Йоханну связаться с пропавшими клиентами и постараться уговорить их вернуться в лоно их брокерской конторы. Многократные попытки Йоханна дозвониться до них ни к чему не привели. Так же без ответа оставались письменные послания по электронной почте. Целый месяц Йоханн не оставлял попытки связаться с загадочно исчезнувшими клиентами. А тут совсем некстати закрыл счёт ещё один клиент. Йоханн тут же стал названивать ему в Россию. Этот клиент указал в договоре наряду с офисным телефоном ещё и домашний, и Йоханн стал звонить ему домой. Бесполезно. Но через неделю домашний телефон, наконец-то, отозвался тусклым женским голосом, перешедшим вскоре в плач. Йоханну с трудом удалось добиться от плачущей жены клиента сколь-нибудь вразумительного ответа: её мужа похитили и избили бандиты, и теперь он в реанимации.

Йоханну стало всё ясно, и от этой ясности у него скрутило желудок. Йоханн не сомневался, что за всеми этими закрытиями счетов стоит его благодетель Колян. Да и сам он из-за своих отчётов Коляну оказался в дерьме по самые уши. Первой реакцией Йоханна было желание срочно поделиться своей догадкой с Тюлли. Но тогда ему грозит не только увольнение с такой доходной работы, но и, чего доброго, тюрьма. Если же промолчать, то нет никакой гарантии, что история с бандитскими наездами не вскроется рано или поздно, и этот дамоклов меч будет теперь висеть над ним неопределённо долго. Йоханн не видел никакого приемлемого выхода из сложившейся ситуации и впервые за время жизни в Германии вдрабадан напился.

Напился Йоханн в пятницу после работы так, что ещё в понедельник его подташнивало. Голова не хотела толком соображать, и его раз за разом бросало в пот. Одолевали доселе незнакомые внезапные приступы удушья. Не помогли и четыре чашки кофе. “Вот он, первый звонок старости”, – решил Йоханн и загрустил. Он с трудом высидел до конца рабочего дня и с чувством облегчения растянулся дома на диване, отрешённый от всего. Из забытья его вывел звонок мобильника. Йоханн глянул на дисплей. Номер звонящего не высветился. “Наверняка Колян”, – подумал он и против своей воли, как под гипнозом, нажал на кнопку приёма.

– Здорово, банкир! Как дела?

– Это ты? Да ничего хорошего.

– Что так? А по-моему, у тебя всё в лучшем виде. Мой шеф тебе премию выписал. В субботу буду у тебя, вручу тугой конверт.

– Какой конверт? Ты о чём?

– Какой-какой… Толстый! Двадцать штук тебе привезу.

– За что?!

– Ну ты тормоз! За что… Заработал!

Йоханн не знал, что сказать и только тяжело вздыхал.

– Ну что ты сопишь? В зобу дыханье спёрло?

– Да неожиданно как-то.

Йоханн презирал сам себя. Вместо того, чтобы прекратить разговор, что ему очень хотелось, он почему-то продолжал чего-то мямлить.

Внезапно Колян сменил тему:

– Слышь, тот пензенский чувак никуда не слинял?

– Какой чувак?

– Ну тот, твой самый крутой клиент из Пензенской области.

– А-а… Да нет, вчера опять десять пунктов состриг.

– Во блин! Откуда же он на связь с вашей системой выходит?

– Так это же интернет. Может откуда угодно.

– Слышь, если будешь с ним базарить, постарайся узнать, где он обретается.

– Зачем тебе?

– Не мне, а тебе. Хочешь премии получать? Вот и рой землю копытом.

В субботу ненадолго объявился Колян и всучил ему под расписку конверт с сорока сиреневыми пятисотевровыми банкнотами.

– Ну что, пензенский мужик не объявлялся?

– Да он вообще-то не звонит и не пишет. Только что позиции изредка открывает. И почти всегда удачно. На один мелкий проигрыш у него два-три крупных выигрыша.

– Везёт же некоторым…

Колян улетел, а Йоханн снова напился. От денег Коляна жизнь Йоханна стала невыносимой.

* * *

Успехи Дудинского на “Форексе” стали просто вызывающими, и шеф распорядился отыскать этого везунчика и посмотреть, можно ли его тряхануть, как следует. Колян начал действовать. В конце августа 2009 года он прибыл в город Кузнецк Пензенской области на рекогносцировку. Он прямиком направился по адресу прописки Олега Ивановича Дудинского и застыл в недоумении. Крутой миллионер, успешный трейдер на “Форексе” проживал… в обычном многоквартирном доме советской постройки, вовсе не в дорогом современном новострое. Колян почуял неладное, но зашёл в подъезд и после недолгого раздумья нажал на кнопку звонка у двери. Дверь открыла простецки одетая пожилая женщина, за которой никакие миллионы – не то что долларов, а даже рублей – представить было невозможно.

– Вы к кому?

– К Олегу Ивановичу.

– Э-э… Мил человек, да Олег Иванович тут уже лет десять не живёт.

– Как так? А мне сказали…

– И правильно сказали. Это была его квартира, он тут и прописан. Но он её продал и с тех пор здесь не живёт.

– И где же его искать?

– Ну, кому надо, тот знает. А мы нет. Мы и не знаем, жив ли он вообще.

– Что, он не звонит и не пишет?

– Да я ж вам русским языком говорю, что мы о нём ничего не знаем. Если бы звонил или писал, так поди знали бы.

– А что, родственники у него есть какие?

– Да бобыль он. Никого из родни не осталось. Как жена с дочкой-то на машине разбились, вот он и пропал.

Колян вернулся в Москву обескураженный. Этого загадочного трейдера будет не так просто найти. Но на дворе ведь двадцать первый век, эра интернета, от которого ничто не спрячется. И Колян засел за компьютер в поисках Олега Ивановича Дудинского с помощью всеведущего “гугла”. Олег Иванович в интернете наследил, но не так уж, чтобы это могло порадовать Коляна. Последнее упоминание о нём было в газете “Областная”, выходящей в Иркутске. Это было краткое упоминание о симпозиуме по охране дикой природы, среди

участников которого был и кандидат химических наук О.И. Дудинский из Пензенской области. Все прочие упоминания в интернете были столь же малоинформативны.

Между тем шеф послал Коляна и двоих его бойцов лететь в Красноярск и тряхнуть там одного лоха, имевшего несчастье открыть счёт в брокерской конторе у Йоханна. Колян был знаком с географией Сибири и знал, что Красноярск и Иркутск не так далеки от хорошо ему знакомого лагеря строгого режима в Решётах, а значит и Иркутск лежит недалеко от Красноярска. Вот он и предложил шефу после шухера в Красноярске подскочить в Иркутск и поискать зацепки на скрывающегося трейдера. Шеф нехотя согласился:

– Ну давай, дуй. Только смотри, съездишь впустую, расходы пойдут за твой счёт.

– А если не впустую?

– Тогда не за твой, а за счёт того лоха. Ха-ха.

Миссию в Красноярске Колян со своими отморозками выполнил безукоризненно – лоха удалось похитить так, что он не увидел лиц похитителей. И прессовать его особенно не пришлось. Он довольно быстро отдал деньги, отделавшись лишь парой поломанных пальцев. Отправив своих ассистентов в Москву, сам Колян полетел в Иркутск.

*** * ***

В Иркутске Колян начал обход центральных гостиниц с вопросом, не здесь ли останавливались месяц тому назад участники симпозиума по охране дикой природы. Коляну с трудом давалось непривычное слово “симпозиум”, и он тщательно его проговаривал, ставя ударение на каждом слоге и всякий раз вызывая улыбки у портье. Колян свирепел, но сдерживал себя. В четвёртой гостинице Коляну повезло. Прилизанный портье – явный фраер – не стал улыбаться на с трудом произнесённый “сим-по-зи-ум”, а вопросительно поднял брови:

– Ну здесь они кантовались, а дальше что?

– Слышь, братан, а список той кодлы слабо достать?

– Это будет стоить…

– Ясно, – перебил его Колян и сунул сложенную пополам тысячерублёвую бумажку.

Портье быстренько смёл банкноту со стойки и, поколебавшись, попросил Коляна подождать в фойе, а сам исчез в конторке за своим рабочим пультом.

Минут через десять портье вышел из конторки и жестом подозвал Коляна. Список был длинный – на четырёх листах. Колян тут же стал его просматривать и, найдя в списке искомого Дудинского О.И., Колян выматерился. В списке был указан тот же известный ему адрес в Кузнецке Пензенской области и больше ничего, кроме пометки “ЧЛ”.

– Слышь, братан, а ты случаем не знаешь этого лоха, – и Колян ткнул пальцем в в строчку с фамилией Дудинский.

Портье вспомнил Дудинского сразу. Он наморщил лоб и потёр пальцами, показывая, что надо бы добавить гонорар. Колян протянул ещё одну банкноту.

– Этого Дудинского я хорошо запомнил. Это большой авторитет.

– Что? Этот лох авторитет?

– Точно! Тут было несколько братков международного уровня, и они перед ним на цырлах ходили.

– Что-то я не секу, тут что, сходка была или этот, как его, сим-по-зи-ум?

– Так одно другому не мешает, а наоборот, крыша солидная.

– А ты как просёк, что это братва?

– Да я своими ушами слышал, как они друг друга братьями называли и от остальной шушеры сторонились.

Колян снова был обескуражен. А вдруг этот лох вовсе не лох?

– И это всё?

– Да нет, иностранная братва ему какую-то помощь обещала. Мол, де, ты давай, действуй, а за нами дескать не заржавеет.

– Действуй? А что, что он мастырить намылился?

– Да какую-то станцию для опытов собирается открывать. Больше я, правда, не расслышал. Они, как усекли, что я недалеко стою и слышу, сразу замолкли и шасть в сторонку.

– И что, они на русском говорили?

– Какой там! На английском.

– Так этот Дудинский и на английском волокёт?

– Как англичанин.

– А ты что, по-ихнему тоже балакаешь?

– Так работа такая, без хорошего английского на это место не попасть.

– Слышь, а те, с кем он тут перетирал, в этом списке есть?

– Есть, – и портье снова показал пальцами, что и эта информация стоит отдельной платы. Колян нехотя сунул ему третью банкноту.

– Вот этот немец, так… вот этот чех и вот этот американец.

– А о них что-нибудь знаешь?

– Да нет. Гости как гости.

Портье с трудом сдержал желание наплести этому бандюку какие-нибудь небылицы и содрать с него ещё деньжат – такое враньё могло бы ему дорого обойтись.

* * *

Самолёт Коляна улетал на следующий день, и Колян, остановившись в этой же гостинице, решил гульнуть. На набережной он снял приглянувшуюся молоденькую брюнетку и оттянулся так, что решил остаться в Иркутске ещё на день – не лететь же в такую даль с дикого бодуна.

А портье в этот же вечер беседовал с неутомимым в своём любопытстве Семёном Борисовичем. Поскольку ничего интересного для Семёна Борисовича за последние дни в гостинице не происходило, портье рассказал ему о беседе с Коляном, постаравшись придать ей хоть какую-нибудь значимость. Разумеется, о трёх тысячах настрелянных рублей портье умолчал.

– Семён Борисович, помните, вы просили выявлять признаки… Ну, в общем, про нелегальную пересадку органов?

– Ну, помню…

– А как я вам о международной братве с симпозиума рассказывал, помните?

– Конечно помню, это же недавно было.

– Так вот тут один явный уголовник из Москвы заявился, которого, похоже ничто, кроме одного участника симпозиума не интересует. Того самого, который какую-то станцию строить собирается.

– А с чего ты решил, что этого уголовника больше ничего не интересует?

– Так он зашёл сюда и не собирался здесь ночевать, только сходу спросил, не здесь ли останавливались участники того симпозиума? Он, кстати, слова такого в жизни не слыхал, еле его выговаривал.

– Во как? Ну-ка, давай-давай, что дальше?

– Ну я сказал, что здесь. Так он сходу и пристал, что я знаю об одном из тех братьев – о Дудинском? А что я знаю? Ну жил тут три дня и уехал. А он всё норовил побольше об этом Дудинском узнать. И так, и этак всё выспрашивал – ну вроде вас. И тут же решил в нашей гостинице остановиться.

– А причём тут пересадка органов?

– Так я вот что подумал. Какой интерес может быть у такой уголовной шестёрки к человеку из науки? А на симпозиуме тут были сплошь биологи да медики. А в телевизоре недавно репортаж был откуда-то из бывшей Югославии о станции по извлечению органов из пленных. Ну вот мне и пришло в голову, а вдруг и здесь о такой же станции речь шла?

– М-да. В самом деле, уголовник, медик, станция… Интересная линия выстраивается… Но, скорее всего, этот Дудинский совсем другую станцию строить собирается, но чем чёрт не шутит. Во всяком случае, за бдительность хвалю. Дай-ка мне, что там у тебя на этого уголовника есть…

– Через день Колян сдавал ключи этому же портье. И портье захотелось стрельнуть ещё одну банкноту.

– Слышь, тут наш участковый симпозиумом тоже интересовался…

– А ему-то что надо?

Портье выразительно посмотрел на Коляна, и тот достал очередную купюру.

– Да они роют насчёт пересадок почек и прочего ливера.

– Во блин! Так выходит, этот лох вон оно чем занимается…

– Не знаю, но в ментовке в эту сторону роют. Да напрасно, скорее всего.

– Ну-ну. Эти доктора зарежут только так, и ни с какого бока их не ущипнёшь. А наш брат порежет кого, так потом бегает, как заяц.

На этом разведывательная миссия Коляна в Иркутске завершилась. Шеф нехотя оценил её как выполненную и оплатил Коляну его расходы. В “братву международного уровня” шеф не поверил. Братва по научным симпозиумам не ездит. А вот о нелегальной пересадке органов шеф призадумался и дал поручение вместе со своим корешком в Германии пасти Дудинского и разыскать его в конце концов. Подключать к поиску свои связи в МВД шефу не хотелось – дорого, да и светить свой бизнес с богатыми лохами на “Форексе” перед волчарами с погонами ему не хотелось.

Глава 9. Дудинка. Возврат к истокам

В день осеннего равноденствия в четыре часа пополудни в портовый город Дудинку с востока – явно из норильского аэропорта – прибыло громыхающее подвеской видавшее виды такси марки “Волга”. Такси остановилось у гостиницы “Северное сияние”, высадив единственного пассажира. Пассажир – грузный старик в очках, совершенно седой, но при том совершенно не лысый, – неспешно оглядевшись по сторонам, подхватил свой средних размеров чемодан и направился в гостиницу. У входа, опираясь на металлические перила, щебетали три обильно намакияженные девицы лет двадцати, посасывавшие пиво из жестяных банок. Девицы, смерив прибывшего оценивающими взглядами, продолжили свои занятия, не проявив ни малейшего интереса к гостю. Если бы гость прибыл не в раздолбанной “Волге”, а в чёрном “Хаммере” или хотя бы в “Мерседесе”, был бы одет помоднее и не был бы столь стар – явно под семьдесят, то был бы он тогда, несомненно, интересным объектом для этой троицы.

В холле гостиницы было пусто. Дежурный администратор за стойкой – полнотелая дама в возрасте начинающих бабушек – не удосужила посетителя приветствием и сосредоточенно считала петли на своём вязанье.

– Хм… Для меня забронирован номер, – несмело обратился посетитель к рукодельнице.

Дежурная только кивнула головой, нахмурила брови и продолжила сосредоточенный счёт, молча шевеля губами. Через две минуты, показавшиеся гостю вечностью, вязанье было отложено в сторону.

– Фамилия!

– Дудинский.

– А-а, так это ваша бронь на целый месяц.

– Да, моя.

– И что же вас к нам сюда занесло? Первый раз вижу гостя в ваших годах.

– Видите ли, я люблю путешествовать, а в вашем городе я давно уже не бывал.

– Так вы у нас не впервой?

– Нет, это второй раз.

– И когда же вы были у нас в первый раз?

– Да давненько. Без малого семьдесят лет тому назад.

– Семьдесят?!

Дама за стойкой недоверчиво покачала головой и протянула руку ладонью кверху, требуя паспорт.

– Так… Дудинский Олег Иванович… О, так вы родились в Дудинке. И что, сразу же Дудинку и покинули?

– Да, именно так. Я здесь родился и прожил в вашем славном городе всего два месяца.

– Интересно… И фамилия ваша Дудинский…

– А фамилию мне в детдоме дали. Уже на материке.

– Ну так милости просим в родные края. Заполните вот бланк для регистрации.

Расположившись в просторном светлом номере с двумя окнами, приняв душ, отдышавшись в мягком кресле и побегав без интереса по каналам телевизора, гость спустился в кафе. В зале было немноголюдно. Гость уселся за свободный столик у окна, подальше от настраивававших свою звукотехнику музыкантов – бородатых юнцов с давно немытыми волосами до плеч.

Подошла молоденькая официантка, подала меню и порекомендовала заказать запечённую нельму с рисом и шпинатом.

– Нельма свежая, утром она ещё в Пясине плавала, не пожалеете. И соус к ней наш повар делает так, как никто и в Норильске не сделает.

– Спасибо. А как вы угадали, что я большой любитель рыбы?

– Да никак. Просто это сегодня лучшее, что мы можем предложить.

– Начало многообещающее. А какое вино вы мне порекомендуете под нельму?

– Вот попробуйте новинку из Германии – мозельское.

– А что за лоза?

– Ну… эта, мозельская.

Гость улыбнулся.

– Милая девушка, мозельские вина происходят из долины реки Мозель, и они могут быть самые разные. Принесите бутылку, разберёмся.

– А нельму заказывать будете?

Разумеется, самую жирную вырезку. И чтобы рис был как следует проварен.

Через минуту гостю была предъявлена литровая бутылка вина.

– О! Мне опять повезло. Это же старое доброе “Мюллер-Тургау”, моё любимое. Вы его пробовали?

– Нет, это вино только вчера подвезли, да нам и нельзя…

– Сделаем так. Эту бутылочку вы мне откройте и оставьте. Всю её я не выпью, да и половину, пожалуй, не осилю, а остаток после работы вы с подружками и поваром можете опробовать. Но вначале плесните-ка мне немного в бокал. Посмотрим, соответствует ли этикетка содержанию.

Гость покрутил вино на дне бокала, поднёс бокал к носу и посетовал про себя, что нос его уже не тот, запахи почти не ощущает. Осторожно пригубив светло-янтарную жидкость, одобрительно кивнул:

– Это в самом деле оно – “Мюллер-Тургау”. Рекомендую последовать моему совету.

Официантка зарделась, налила вина в бокал до половины и быстрым шагом удалилась на кухню. Там она, передавая заказ повару, добавила: “Этот заказ от такого интересного дедушки. Не знаю, откуда он взялся, но толк в гастрономии понимает. Ты уж постарайся, покажи класс”.

И повар постарался. Прибывший в город своего рождения старик – судя по его грузной фигуре, гурман и чревоугодник – с наслаждением поглотил всю порцию нельмы и весь гарнир, политый и вправду чудным соусом, вкус которого был для него совершенно новым. Ничего подобного “дедушка” Олег Иванович в жизни не вкушал. Пребывая в приподнятом настроении, он незаметно для себя осушил три бокала вина. “Начало и в самом деле многообещающее. Надо будет моего Володю ради этого соуса сюда на стажировку определить”, – подумал он.

Ресторан между тем постепенно наполнялся. За одним из столов угнездились и те самые три девицы, первыми встретившие Олега Ивановича в его родном городе. Они нашли себе интересную компанию из троих молодых людей, которых Олег Иванович уверенно определил бы как уличных грабителей и охранников на овощном рынке по совместительству. Предпочитавшие водку гости быстро хмелели и завязывали беседы на крике, норовя перекричать разошедшихся не на шутку музыкантов, и наш пожилой герой счёл за лучшее уйти, дабы не оглохнуть ненароком. Он подозвал официантку и заказал ещё одну бутылку того же вина, попросив не открывать её. Получив бутылку, он рассчитался, одарив официантку щедрыми чаевыми.

– Милая девушка, я тут немного увлёкся, и в бутылке вам на пробу почти ничего не осталось. Возьмите вот эту непочатую бутылку и распробуйте её вашим дружным коллективом, но только после смены.

– Ой, да что вы!

– Не спорьте со мной. Имейте уважение к моим сединам. А повару передайте мой нижайший поклон. Теперь я не сомневаюсь, что он и в Норильске любому коллеге нос утрёт.

– Ой, спасибо. Вы подождите секундочку, я повара позову. Скажите ему вашу благодарность сами, он будет рад.

Через минуту вышел сияющий повар и энергично раскланялся перед благодарным гостем. Олег Иванович пожал ему руку и проникновенно произнёс:

– Спасибо, молодой человек, потешили вы меня. Я тут задержусь на месячишко. Не дадите мне умереть с голоду?

– Что вы! Заходите, будем рады. А обслужить знатока – это особая честь.

– Договорились! Ряпушка будет?

– Обязательно!

– А строганина?

– Вообще-то не сезон, но для вас что-нибудь сообразим. Заморозим муксуна самого свежего.

– Ловлю на слове!

* * *

Наутро после завтрака с ароматным кофе, качество которого не давало повода считать Дудинку захолустьем, Олег Иванович приступил к своим делам. Прежде всего он позвонил в администрацию Таймырского муниципального района. В телефоне ответил приветливый женский голос:

– Да, да, Олег Иванович, всё в порядке, документы готовы, мы вас ждём.

– Хорошо, когда к вам можно подойти?

– Можно прямо сейчас. Вы где остановились, в “Северном сиянии”?

– Да, в нём самом.

– Ну так здесь рукой подать. Найдёте дорогу?

– Конечно. Дудинка же мой родной город.

– Да, мы знаем. До встречи?

– До встречи!

Имя Олега Ивановича было знакомо районной администрации с весны прошлого года. А началось всё с более чем странного письма из Красноярска, из канцелярии самого губернатора. Письмо адресовалось главе администрации, и в нём настоятельно рекомендовалось посодействовать Олегу Ивановичу… Просьбы оказать содействие тому или иному гражданину нет-нет, да встречаются в письмах сверху, и ничего странного в них нет. Но вот в случае с Олегом Ивановичем всё было как-то очень уж странно. Заместитель губернатора рекомендовал, причём, настоятельно рекомендовал оказать не просто содействие, а полнейшее содействие какому-то неизвестному кандидату наук, частному исследователю Заполярья, из – подумать только! – Пензенской области в строительстве научной станции посреди тундры севернее гряды Бырранга. И – самое удивительное – в скорейшем получении всех необходимых согласований. Поначалу письмо из Красноярска было воспринято как чей-то розыгрыш и едва не оказалось в мусорной корзине. Мыслимое ли это дело, чтобы некий частник, проживающий в благодатной Пензенской области, добровольно забрался к чёрту на рога – в продуваемую всеми ветрами тундру, потратившись к тому же на строительство обитаемой станции?! Да и фамилия этого чудака была более чем подозрительная – Дудинский. Ну ясное дело, что всё это хохма.

Но после уточняющего звонка из администрации в канцелярию губернатора подозрения отпали, а чудачество Олега Ивановича даже нашло некоторое понимание: если денег

куры не клюют, то почему бы и не почудить. Вскоре объявился на связи и сам Олег Иванович с проектом своей станции и с сертификатами на новый стройматериал из Чехии – несущую панель-сэндвич из плит ОСБ и пенополистирола. Завязалась переписка и начались телефонные переговоры. Поначалу новинка из Чехии была встречена в штыки – не безумие ли затевать строительство на Крайнем Севере из столь лёгкого и хрупкого материала? Первая же пурга такой дом расшмотает. Но Олег Иванович, оказавшийся красноречивым рассказчиком и обладавший, как оказалось, лёгким пером, довольно быстро убедил сомневающихся в том, что только из такого материала и надо строить дома на Севере – ведь именно из подобных панелей строят себе дома канадцы и жители Аляски, а чехи избрали их для строительства своей научной станции в Антарктиде. Ну, раз такой дом стоит аж в Антарктиде… И районная администрация взялась за подготовку необходимых формальностей с энтузиазмом и от чистого сердца – Олег Иванович даже и не намекал на взятку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.